

Вячеслав Килеса

**КРЫМСКИЕ
ИСТОРИИ**

Вячеслав
Килеса

КРЫМСКИЕ
.....
ИСТОРИИ

г. Симферополь
2020

УДК 821.161.1(477.75)
ББК 84(2Рос.Крым)
К 391

Книга издана в авторской редакции и корректуре.

К 391 **Килеса В.В.**
Крымские истории. — Симферополь: ООО «Форма»,
2020. — 96 с., илл., на русском языке.

ISBN 978-5-6042225-1-5

Идентификатор — 6042225

«Крымские истории» — книга о детях и для детей: и немножко для их родителей. Создавая ее, автор думал о том, как мало в мире доброты, и старался хоть чуточку увеличить ее количество. Поэтому даже грустные страницы в ней светлы и прозрачны. Такую книгу хорошо читать на закате дня, выбеливая новыми впечатлениями тени несбывшегося. И, бросая взгляды на скулящую во дворе непогоду, желать проходим крыши над головой, удачи и счастливого вечера — с книжкой в руках.

ISBN 978-5-6042225-1-5 © В. Килеса, 2020
© ООО «Союз писателей Крыма», 2020

Книга «Крымские истории» издается ее автором Вячеславом Килеса на его средства в порядке софинансирования по президентскому гранту 19-2-004619, предусматривающему вручение подарков участникам Творческой мастерской и фестиваля «Седьмое небо».

Для сведения сообщаем, что РОО «Союз писателей Крыма» выиграла конкурс по присуждению гранта Президента Российской Федерации.

Грант направлен на повышение литературного мастерства юных писателей Крыма в возрасте от 8 до 28 лет. Выделенные по гранту деньги будут израсходованы на проведение Творческой мастерской молодых литераторов Крыма (состоится 26 апреля 2020 года при поддержке Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым, Министерства культуры Республики Крым на базе ГБУК РК «КРУНБ им. И.Я. Франко») и на участие юных писателей (с бесплатным проживанием и питанием) в Международном литературно-музыкальном фестивале «Седьмое небо», который пройдет с 25 по 28 июня 2020 года в поселке Николаевка Симферопольского района Республики Крым. Организаторы фестиваля: Администрация Николаевского сельского поселения Симферопольского района Республики Крым и региональная общественная организация «Союз писателей Крыма» при поддержке правительства Республики Крым.

Лучшие произведения юных авторов составят книгу «Начало пути».

Вячеслав Владимирович Килеса

Председатель РОО «Союз писателей Крым», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки.

Главный редактор газеты «Литературный Крым», заместитель редактора литературно-художественного журнала «Белая скала».

Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в Стране Витасофии».

Лауреат литературной премии НСПУ имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература. Работы для детей и юношества» (2009 г.).

ОТ АВТОРА

Сборник «Крымские истории» состоит из трех разделов — «Детвора», «Легенды Белогорья», «Парад талантов» — и рассчитан на детскую аудиторию, а также на мам и пап, помнящих о том, что они когда-то были маленькими.

Первый раздел состоит из рассказов о веселых и невероятных событиях, случающихся в мире детства: вроде загоревшегося чердака, позволившего пятилетнему Вовке не только насладиться поднявшейся суматохой, но и познакомиться с начальником пожарной команды, или малышей, подготовивших отца к военному походу.

А как мудро выбрал себе подарок на день рождения Денис — и удивителен счастливый случай, подруживший школьника Карманова с девочкой Настей! А разве неинтересны истории о том, как была нокаутирована контрольной по математике шестиклассница Тоня и чем доказал свою правоту боксер Коля, о десятилетней дипломатке Юле и любительнице прогресса Олечке, об инициативной

Кате, собравшейся выйти замуж за своего детсадовского поклонника.

И наверняка кто-нибудь задумается над рассказом «Воспитательница», подтверждающим, что дети чаще воспитывают нас, чем мы их.

События, остающиеся в памяти поколений, составляют содержание исторической хроники. В разделе «Легенды Белогорья» повествуется о расположенных на территории Белогорского района памятниках старины: Суворовском дубе, носящем также название «Четыре брата», сарматских пещерах в Белой скале и знаменитой неандертальской пещере Киик-Коба. Прочитавшие раздел познакомятся с легендами, связанными с возникновением этих артефактов, и оценят вероятность версий, выдвинутых по данному поводу автором книги.

Раздел «Парад талантов» с помощью фотографий рассказывает о Творческой мастерской молодых литераторов Крыма и литературно-музыкальном фестивале «Седьмое небо», организованных и проводимых РОО «Союз писателей Крыма».

Вячеслав Килеса

ДЕТВОРА

ДЕТИ КОМАНДИРА

— Раз, два! Раз, два!левой!левой! — выкрикивал пятилетний Сашок усердно марширующей по комнате четырехлетней сестричке Алене. Именно так командовал недавно на полковом смотре их отец капитан Новиков.

В отличие от солдат на плацу, строевой шаг у Алены не получался. Постоянно сбиваясь с ритма, девочка едва не плакала. Окончательно запутавшись, остановилась и сердито сказала:

— Этим мальчики должны заниматься, а ты меня заставляешь! Я, как мама, буду медсестрой в военном госпитале. Понятно?!

— А если меня убьют? Кто возьмет мой автомат и прогонит врагов? — возмутился Сашок.

— Так я стрелять готова! — защищалась Алена. — Я маршировать не хочу.

— В армии нужно все уметь и нельзя от чего-то отказываться, — объяснил Сашок. — Вот папа на полигон ездить не любит, а приходится: Приготовься: я на тебя танк направлю, забросаешь его гранатами.

Танк — электромеханическая игрушка на батарейках — походил на настоящий и умел не только с противным скрежетом передвигаться, но и реветь сиреной и мигать фарами. Подаренный Сашку на день рождения, танк до сих пор вызывал страх у Аленьки, что для будущей медсестры было непростительным.

Скривившись, Аленька зажала в руках деревянные чурбанчики-гранаты и залегла за креслом.

«У-у-у!» — завыл танк, надвигаясь на Аленьку. Пискнув, девочка вскочила и полезла на диван.

— Трусиха! — пренебрежительно заметил Сашок. — Ладно, иди сюда. Мама говорила: генерал приехал, учения организовывать. Посмотрим папин «тревожный» чемодан — мама все утро его готовила.

«Тревожные» чемоданы офицеры брали с собой, когда их воинская часть поднималась по сигналу «Тревога!». В чемоданах находился суточный продовольственный паек, канцелярские принадлежности, мыло, полотенце, зубная щетка и прочее, могущее понадобиться офицеру, если его подразделение окажется в полевых условиях оторванным от источников снабжения.

Раскрыв папин чемодан, дети долго его изучали, пока Сашок не сделал критический вывод:

— Слабовато! Вдруг враги нападут, едва только папа приземлится на парашюте!

И дети озабоченно зашептались.

Ночь еще ползла по земле, когда командира роты Новикова выдернул из домашней постели сигнал «Тревога!», — и вскоре он стоял в общем строю, слушая рапорт полковника командующему военным округом о готовности полка к выполнению боевой задачи.

— Сейчас проверим вашу готовность, — проворчал генерал и ткнул пальцем в Новикова. — Покажите ваш «тревожный» чемодан.

Положив чемодан на принесенный стул, капитан быстро его раскрыл.

Видимость обстановки с трудом вытягивала на «удовлетворительно», размывая предметы в неясные пятна. Наклонившись над чемоданом, командующий поднял лежавшую сверху вещь и недоуменно спросил:

— Что это?

Присмотревшись, капитан узнал кавалерийскую саблю Сашка и онемел.

Вернув саблю в чемодан, генерал достал оттуда водяной пистолет Аленки, хмыкнул, присоединил пистолет к сабле и заинтересовался танком, не догадываясь, какие сюрпризы могут преподнести незнакомые игрушки. И когда случайно включенный танк заревел сиреной и замигал фарами, потрясенный генерал, уронив чудовище на землю, отскочил в сторону, наблюдая вместе

со всеми, как, громыхая гусеницами, танк бесстрашно атакует замершую шеренгу.

— Что это? — рявкнул командующий.

— Это дети, — выдавил из себя Новиков, глядя, как продолжающий бесноваться танк наезжает на солдатские сапоги.

— Возраст? — сердито уточнил командующий.

— Пять лет и четыре годика, — ответил Новиков, хмуро решив: «Минимум — гауптвахта!»

Капитан не подозревал, что у генерала тоже были дети, которые когда-то были маленькими.

— Подобрать это, — командующий ткнул пальцем в сторону танка, — закрыть чемодан и стать в строй.

— Слушаюсь, товарищ генерал! — отчеканил Новиков, еще не веря, что так легко отделался.

— И чтоб сорванцы были отшлепаны! — бросил генерал отлавливающему танк капитану.

Через минуту командир роты Новиков вместе с полком слушал боевую задачу и думал о том, что последний приказ генерала он все-таки не выполнит.

ВЕСЕЛОЕ СОБЫТИЕ

Дыма поначалу было мало — тоненькая струйка, почему-то поднимавшаяся не прямо вверх, а по замысловатой, уходящей в сторону спирали. И заметил его не Вовка — чего он долго не мог никому простить, — а баба Нюра из соседнего дома, заскочившая в Вовкин двор с криком:

— Клава, ты горишь!

Подскочили все, даже дремавшая в углу на топчане кошка Мурка.

— Где горю? — всполошилась Вовкина бабушка, растерянно оглядывая себя.

— Вон там! — ткнула пальцем баба Нюра.

И все увидели дым. Он значительно пополнил и стал похож на задранный вверх черный Муркин хвост и вел себя очень смиренно, но бабушка почему-то испугалась.

— Настыка! — повернулась она к Вовкиной маме. — У Арапетовых дома телефон, позвони в пожарную. А я — туда.

И ринулась в дом.

Все заторопились, словно куда-то опаздывали: мама — к жившим на соседней улице Арапетовым, подхватившая пустое ведро баба Нюра — на кухню к водопроводному крану, Мурка — на забор, а хитрый Вовка, сразу догадавшийся, где самое интересное, — вслед за бабушкой.

В доме немножко пахло дымом, — точно так, как от костра, на котором Вовка и его друг Димуля запекали позавчера в овраге похищенную с огорода картошку. В угловой комнате отдыхала от железной дороги приехавшая на рассвете тетя Дора, — и Вовка, еще прошлым летом познакомившийся с ее злым характером, свернул в коридоре направо. Представив себя разведчиком, он, переставляя ноги с пятки на носок — именно так ходили индейцы — поспешил в гостиную и с трудом увернулся от выскочившей из комнаты бабушки.

— Ты что здесь делаешь? — закричала бабушка. — Марш на улицу!

Не слушая Вовкиных возражений, бабушка схватила разведчика за шиворот и погнала к двери, словно нашкодившего поросенка Борьку (которого Вовка, кстати, и обвинил в нападении на исчезнувшую картошку). Во дворе бабушка толкнула Вовку к воротам и крикнула бабе Нюре:

— На чердаке загорелось. Скорее всего — проводка. Помоги лестницу поставить.

Понаблюдав, как бабушка, баба Нюра и вернувшаяся от Арапетовых мама приставляют к чердачному окну огромную тяжелую лестницу, Вовка поспешил на улицу,

к густеющей толпе любопытных, среди которых пламенела рыжим цветом Димулина голова.

— А у нас пожар! — гордо сообщил Вовка, словно Димуля сам не мог догадаться, что здесь, конечно, не наводнение.

— Подумаешь! — скривился Димуля, явно огорченный удачей друга.

Послышался вой сирены, — и вскоре пожарная машина, сверкая и громокая, показалась на изгибе улицы.

— Отойди, это к нам! — ревниво сказал Вовка, отталкивая Димулю в сторону. Всегда готовый к драке, в этот раз Димуля, признавая Вовкины права, отошел на обочину.

Из машины, проехавшей через раздавшуюся толпу прямо к дому, выпрыгнули красивые пожарные в блестящих касках. Размотав шланг, они быстро забрались в чердачное окно, — предварительно выгнав оттуда, к Вовкиному удовольствию, растрепанную, в черных пятнах сажи бабушку, — и включили насос. Тянувшаяся за пожарными прямоугольная лента надулась и стала похожа на огромного удава, которого Вовка недавно наблюдал в зоопарке.

Минут через десять дым, висевший над домом неправильным надувным шариком, начал съеживаться и уменьшаться, — словно его укололи иголкой.

— Молодцы пожарные, быстро управились, — одобрительно заметил старик Нефедов.

— Повезло Клавке, — с сожалением вздохнула баба Катя, — и Вовка вспомнил, как ругалась она недавно с его бабушкой из-за перепутавшего огороды Борьки.

— В следующий раз у бабы Кати картошку воровать пойдем, — повернув голову, шепнул Вовка Димуле, и повел друга в ставший неопасным двор.

— Выключай насос, — спускаясь по лестнице с чердака, скомандовал главный пожарный. Его замеча-

тельный мундир был перепачкан, но смотрел он весело и даже был чем-то доволен.

— Сгорел хлам, ничего ценного, — главный пожарный подошел к зачерпывающей воду из ведра бабушке, подставил сомкнутые ладони под льющуюся из кружки струю. — Проводку замените и кусок крыши отремонтируете. Вовремя нас вызвали.

Вытершись поданным мамой полотенцем, главный пожарный подмигнул глазевшему на него Вовке:

— Пойдешь в мою команду? Будем вместе пожары тушить.

— Пойду! — воскликнул Вовка, оглядываясь на Димулю — все ли он слышал?

Помыв лицо и руки, пожарные свернули шланг, заняли свои места, и машина, провожаемая бежавшими за ней Вовкой и Димулей, помчалась прочь.

Бабушка, мама и взявшийся им помогать старик Нефедов отодвинули от чердачного окна лестницу и, заведя ее конец на середину двора, отдернули руки. Лестница упала с грохотом, похожим на взрыв маленькой атомной бомбы.

В глубине дома послышался шум и в проеме распахнувшейся входной двери показалась сердитая тетя Дора:

— Дадут мне в этом доме поспать или нет?! И вообще: какой дурак под моим окном коптил поросенка?

МЕТЕОРИТ

Такая погода Петю радовала: давным-давно летняя и все-таки чуточку осенняя. Можно от жары не прятаться и пот рукавом не вытирать. Маме потом рукава не нравятся. Кричит, что стирать надоело. Как будто ее заставляют. Петя, например, и в грязной одежде хорошо себя чувствует. Даже лучше, чем хорошо. Можно

в разведчика играть и по огороду ползать. Между грядками с помидорами и картофелем.

Сегодня Петя тренировался в меткости. Мама, вскапывая участок с садовыми деревьями, нашла в земле кучу камней, обязав сына отнести их в приютившийся на параллельной улице мусорный ящик. Словно у Пети других дел нет! Но мама даже слушать сына не захотела. Когда он объяснял, что нельзя у деревьев камни забирать. Они ведь для чего-то их собирали. Не для мусорного же ящика! А мама засмеялась, переделась и на рынок поехала: что-то из несъедобного покупать.

Кучу камней и улицу разделял скрытый кустами сирени деревянный забор, возле которого высилось вишневое дерево. Верхушка дерева причудливо переплеталась, образуя круг, напоминающий баскетбольное кольцо. В него-то Петя и швырял камни, радуясь каждому попаданию.

В целях безопасности — своей и чужой — Петя периодически выходил на улицу. Никого! Только через пять дворов приткнулся к обочине большой черный «Мерседес». Это к бабушке Наде из Москвы сын с внучкой приехали. Мама говорила: сын богатый-пребогатый. А девочка симпатичная. Когда сережку из золота потеряла, Петя нашел и отдал.

Заинтересовавшись машиной, Петя подошел поближе. Красивая. Внутри пусто: гости, наверное, чай у бабушки Нади пьют. И богатством хвастают. Конечно, их никто носить не заставляет!

Вернувшись во двор, Петя продолжил тренировку, усложнив ее тем, что начал бросать камни из положения «сидя», а не «стоя». Разведчик все уметь должен.

Хуже всего летели куски черепицы, чертившие в воздухе загадочные знаки. Может, марсианам семафорили. Зато «голыши» описывали правильную кривую, если не поражая, то задевая цель. И вдруг...

Петя держал в руках вытащенный из поредевшей кучки черный камешек с серебристыми точками. Его края

были твердые и острые, зато остальная часть — гладкая и приятная на ощупь. А серебристые пятнышки блестели так заманчиво, что не хотелось отводить глаз.

«Волшебный камень, — решил Петя. — Я его сейчас швырну, а потом подберу».

Взлетев, камень пронесся через середину кольца и рухнул вниз. И...

Петя сдержал готовый вырваться крик радости: камень ударился обо что-то, не похожее по звуку на утопанную щебенку пригородной улицы. Сквозь щель между кустами Петя увидел нечто черное, донеслось урчание мотора, — и перетрусивший разведчик понял, что камень угодил в машину московского гостя.

Упав на землю, Петя затаился, настороженно прислушиваясь к щелчку открываемых автомобильных дверей и злому мужскому голосу:

— Смотри, Катя, какая царапина на заднем стекле! Что за негодяй камень бросил! В семьсот долларов стекло обошлось, да и установка недешевая.

Петя еще сильнее вжался в землю. Не разбираясь в валютном курсе, он догадывался, что семьсот долларов — это две маминых зарплаты.

По шуму шагов Петя понял, что мужчина, подойдя к забору, пытается заглянуть во двор.

— Странно: никого не видно, — недоуменно произнес мужчина. — Не с неба же он упал.

— Папа, смотри, какой камешек нас ударил! — слышался взволнованный Катин голос. — Ой, какой красивый! Папа, это метеорит!

— Ты думаешь? — недоверчиво спросил мужчина.

— Конечно! Нам такие камешки в обсерватории показывали во время экскурсии. Я этот камешек с собой возьму — вот одноклассники удивятся!

— Да, любопытный камень! — согласился мужчина. — Подумать только: в мою машину попал метеорит! Будет о чем в Москве рассказать! Ладно, поехали!

Послышался стук дверей, фыркнул мотор, и машина медленно покатила прочь. Вспотевший от переживаний Петя приподнялся с земли, пригибаясь, добежал до входной двери дома и юркнул внутрь.

И мужчина, и Катя, и Петя — все были довольны. Особенно Катя, через просветы между ветвей сирени успевшая вовремя увидеть перепуганное лицо соседского мальчишки.

ДИПЛОМАТКА

— Я, мамочка, всегда знала: ты меня не любишь, но чтобы так сильно! — десятилетняя Юля, закусив губу, уткнулась в стенку.

— Доченька, почему ты так решила?! — всполошилась мама. — Когда я тебя не любила?

— Сегодня утром. Я тебе жаловалась, что заболела, а ты не поверила! А Ванечка чихнул несколько раз, — и в больницу повела.

— Но температура у тебя нормальная: два раза измеряли, — оправдывалась мама. — А Ванечка третий день чихает и кашляет: врач подтвердил, что у него простуда. Юля, ты плохо к нему относишься, хотя он — твой младший братик!

— Ну и что?! — оторвавшись от стены, негодующе возразила Юля. — А кто вчера моего Мурзика, привязав к веревке, с балкона бросал и летать учил? Котик так кричал, что соседи прибежали. А ты Ванечку только в угол поставила, хотя я ремешок принесла. Зато меня, когда в субботу тарелку уронила, два раза полотенцем ударила.

— Но я Ваню тоже отшлепала, когда супницу разбил. Если я не буду вас наказывать, то каждую неделю посуду покупать придется. А мы с папой не так много зарабатываем!

— На детей денег жалеть нельзя, сама папу упрекала, — парировала Юля. — Пока я маленькая, вы должны

меня кормить и одевать, чтобы я была вашей опорой в старости. Правильно?

— Конечно! — согласилась мама.

— Тогда почему у тебя три платья, а у меня только два? — обличающим тоном спросила Юля. — На меня, между прочим, Вовка из параллельного класса засматривается, мне красивой ходить надо.

— Но я не знала, — смутилась мама. — Вовка, Вовка... Лопухий такой?

— Ну и что? Зато глаза голубые и отец на машине в школу подвозит.

— Хорошо, поговорю с папой, — сдается мама. — После аванса пойдем в магазин... Да, так что с температурой? Ты вправду заболела?

— Хотела, но передумала, — поморщилась Юля. — Учти: если платье не купишь, месяц болеть буду. Поняла?

— Да! — вздохнула мама, подумав, что по дипломатическим способностям ее дочка намного опережает родителей.

ОБМЕН

Вовка знал, что у него очень умная бабушка. Он слышал об этом от родителей и не удивлялся, когда в редкие приезды бабушку поселяли в лучшую комнату и папа, любивший командовать, слушал бабушку с удивлявшей Вовку почтительностью.

Еще бабушка должна была купить Вовке красивый импортный велосипед. Об этом ему никто не говорил, но, если у родителей постоянно не хватает денег, то кто, как не бабушка, должна позаботиться о внуке?! И, услышав от мамы, что бабушка продала теленка, тут же объявил, что через неделю, после окончания четвертого класса, поедет к бабушке в село Зыбино. Он догадывался, для чего бабушке нужны деньги.

В Зыбино Вовку отвезла мама. Закрывшись с бабушкой в комнате, она долго о чем-то говорила, потом забежала в гости к школьной подруге и вернулась в город.

У бабушки было интересно. Вовка приезжал сюда давно, еще маленьким — после первого класса, — и теперь с удовольствием заглянул в сарай, полазил, вымазав брюки и туфли, по огороду, объяснил корове Буренке, для чего у нее забрали теленочка, и почти подружился с кудлатым и сердитым Полканом. А вечером, сходяв с бабушкой в магазин за конфетами, с удовольствием попил парного молочка и заснул в пахнущей травами постели.

Сверстников в ближайших дворах не оказалось, а с семиклассницей Аней, задавакой и вообразулей, Вовка дружить не хотел. Он ждал, когда бабушка займется главным — тем, из-за чего он сюда приехал, — и, подсмотрев, как бабушка, положив в сумку пачку денег, куда-то собралась, заявил, что будет ее сопровождать. С сомнением посмотрев на внука, бабушка подумала и согласилась.

Вовка удивился, когда они пошли не в сторону магазина, а на соседнюю улицу, но решил молчать. Дойдя до зеленой калитки, бабушка толкнула ее и зашла во двор; Вовка последовал за ней. Сидевшая на скамейке симпатичная девушка с заплаканными глазами кинулась им навстречу и обняла бабушку:

— Как я ждала вас, Ирина Владимировна! Объясните родителям, вы с детства дружите, они вас послушают. Только на вас и надеюсь, помогите! Очень прошу!

— Да, Верочка, помогу!

Поцеловав девушку в щеку, бабушка обняла ее и повела в дом, кивком головы предложив Вовке идти рядом. Встретившие их худощавый мужчина и черноволосая женщина с тревогой взглянули на бабушку.

— Делайте, как договорились! — спокойно сказала бабушка. — Веру — бабушка подтолкнула девушку вперед — запирайте и несколько дней из дома не выпус-

кайте. Смотрите, чтобы глупостей не наделала. А я улажу остальное.

— Спасибо, Ира! — мужчина подошел к девушке. — Пойдем, дочка!

Девушка отпрянула в сторону и с ужасом посмотрела на бабушку.

— Как вы могли? Моя крестная мать — и так меня предать! Ненавижу вас, ненавижу!

И залилась слезами.

Бабушка молча повернулась и, взяв ошеломленного Вовку за руку, вышла во двор.

— А что... — попытался спросить Вовка, когда они вышли на улицу, но бабушка, сжав ему руку, строго сказала:

— Или ступай домой, или молчи. Потом все объясню.

Идти пришлось долго, почти на другой конец села. Встретивший их в доме парень поразил Вовку красотой лица и наглым обращением к бабушке:

— Видишь, карга, жду, как обещал. Что предложишь?

— Вот письмо моему зятю: устроит тебя на завод и даст комнату в общежитии. — Бабушка положила на стол запечатанный конверт с написанным на нем адресом. — А здесь деньги: сумма достаточная.

Вовка с изумлением увидел, как пачка предназначенных для велосипеда денег легла рядом с конвертом.

— Покупаешь, старая! — зло рассмеялся парень.

— Покупаю! — согласилась бабушка. — Все твое, если уедешь прямо сейчас — вот билет на автобус — и исчезнешь для всего села на год.

— А если возьму деньги и обману? — с вызовом спросил парень.

— Расписку напишешь. Если уговор соблюдешь, то через год я ее порву.

— Н-да! — парень задумался, взял деньги, пересчитал. Прошелся по комнате, постоял у окна, и махнул рукой:

— Ладно: девок на мой век хватит! Диктуй расписку!

Когда пришли домой, Вовка спросил:

— Бабушка, я не понимаю. Эта девушка: такая хорошая, ждала тебя, надеялась, а ты ее обидела. А парень... Какой злой, неприятный, а ты дала ему деньги, на работу пообещала устроить. Зачем так? Объясни!

Усадив Вовку на стул, бабушка села напротив и сказала:

— Не всегда можно верить тому, что видишь: правда доступна не глазам, а сердцу. Моя крестница Вера — добрая, наивная девушка, влюбившаяся в отвратительного человека. Она не понимает, что ее ждет не радость, а горе, которое заденет ее родителей и близких. А парень... Злому человеку деньги счастья не принесут. Я выросла в этом селе, а он был для него опасен. Город или обломает его, или уничтожит.

Бабушка встала, подошла к внуку, погладила по голове:

— Я знаю, ты мечтаешь о велосипеде. Представь, что мы обменяли велосипед на счастье для нескольких хороших людей. Согласен на такой обмен?

Вовка задумался и твердо сказал:

— Согласен!

ИНДЕЙКА

Серьезных поручений Тоня не любила. Особенно от мамы. Придумала тоже: сидеть на кухне и караулить огромную, освобожденную от перьев и других пустяков тушу индейки, подготовленную для перекочевки со стола в духовку. Кому она нужна, пока сырая? Уж точно, не Тоне. И не Мурке: вон с каким равнодушным видом сидит она на пороге коридора!

— Мурочка! — на всякий случай спросила Тоня. — Ты как к индейкам относишься?

Мурка презрительно дернула хвостом, давая понять, что к индейкам она относится еще хуже, чем к индейцам,

о томагавках которых так страшно рассказывал любитель ковбойских фильмов сосед Ваня.

— Умница! — обрадовалась Тоня и, подойдя к двери, ведущую из кухни в гостиную, прислушалась.

— Не ребенок, а наказание! — жаловалась мама подруге Люде. — Я вчера устала так, что к ночи еле ноги передвигала. Да еще Настька на свидание сбежала — в полночь вернулась, до сих пор спит! — пришлось посуду вместо нее мыть. Уложила Тоньку в постель, забралась под одеяло на соседнюю кровать — и мгновенно уснула. И чудится сквозь сон Тонькин голос: «Мамочка, ты спишь?». Затем громче: «Мамочка, ты спишь?». Потом за ночную рубашку меня дергает: «Ты спишь, мамочка?» Просыпаюсь, говорю: «Уже нет!». И слышу счастливое: «Спокойной ночи, мамочка!».

— Точно, как моя Ленка! — восклицает подруга Люда. — Воскресенье, решила подольше поспать, но где там: на рассвете толкает меня в бок: «Вставай!». «За-чем?» — удивляюсь. «Будем делать зарядку и обливать холодной водой соседей». Представляешь?!

— А недавно Тонька читает «Доктора Айболита» Чуковского и спрашивает: «Если у Тянитолкая головы с обеих сторон, то как он писает?» — вспомнила мама. — Я, кстати, так ничего и не придумала.

— Нужно у Ленки спросить, у нее фантазии достаточно, — решает подруга Люда. — Захожу вчера в детскую: сидит и плачет. «Что случилось?» — заволновалась. А она: «Когда ты и папа умрете от старости, кто меня в детский сад водить будет?».

Догадавшись, что ябедничанье мам на дочек может длиться бесконечно, Тоня, взяв с Мурки клятву о том, что та не оставит индейку без охраны, выскочила в гостиную:

— Мамочка, а почему Настя до сих пор спит?! Столько дел, а она... Хочешь, я ее разбужу?

— Не знаю, — заколебалась мама, спрашивая взглядом совет у подруги. — Будет сонная по дому бродить.

Мамины колебания прервал донесшийся со стороны кухни шум: что-то упало и не разбилось.

— Ой! — воскликнула мама и ринулась на кухню.

Индейка исчезла — так же, как и кошка.

— Инопланетяне! — ахнула Тоня. — Ваня говорил, что видел летающую тарелку.

Представив улепетывающих с индейкой на плечах зелененьких человечков, подруга Люда фыркнула, тогда как далекая от науки мама, галопируя, проскакала через кухню на улицу, где и обнаружила волокущую добычу воровку.

Тоня потом уверяла, что Мурка явно обрадовалась, что по уважительной причине вынуждена прекратить свой тяжкий труд и, юркнув в огородные чащи, скрыться до ужина в неизвестном направлении. Прокричав вслед беглянке невнятные угрозы, мама с трудом подняла тяжеленую индейку, помыла ее и, нашпиговав вкусо-стями, отправила в газовую духовку.

И долго потом обсуждали обитатели дома, куда и зачем тащила Мурка неподъемную для нее тяжесть. Тоня утверждала, что, связанная клятвой, кошка, решив прогуляться, была вынуждена захватить индейку с собой, и предлагала выделить Мурке часть индейки как награду за честность. Но мама и Настя почему-то с ней не согласились.

ОЛЕЧКА

.....

— А меня знаете как недавно наказали? — взхлеб рассказывала Ира. — Я мячиком вазу на пол сбила: шум, крик, ваза вдребезги, а мама меня веником, веником! Вот здорово было!

— Подумаешь, веником! — хмыкнул Сережа. — Меня папка, когда пьяный приходит, ремнем лупит: вот это наказание!

— Ремнем всем достается! — рассудительно сказал Ромка. — Мне тоже однажды перепало: кошку валерьянкой напоил! А вот когда тебя коленками на горох ставят: это, наверное, больно. Бабушка рассказывала, что ее так воспитывали.

Средняя группа детского садика почтительно притихла. Олечка шумно вздохнула: ее наказывали такими распространенными способами, о которых не стоило и говорить.

— Интересно: как там, на горохе?! — задумалась Леночка. — Меня тоже иногда ругают, в угол ставят, — но чтобы коленками на горох! Мама не зря говорит, что раньше было лучше, чем сейчас!

— Нет, сейчас тоже иногда бывает, — запротестовал Сережа. — Отец однажды, когда мамку бил, промахнулся и в меня попал: я даже в больнице лежал!

— Честно, что ли? — с сомнением спросила Леночка, с уважением оглядывая Сережу.

— Зуб на холодец!

Эту клятву произносили в исключительных случаях, — и все сразу поверили.

— Сережа, ты со мной дружить не хочешь?! — улыбнулась Ира.

— Конечно, нет! — вмешалась стоявшая в сторонке Алла. — Он со мной дружить будет. Правда, Сережа?!

Сережа нерешительно кивнул головой.

— Это нечестно! — запротестовала Ира. — Я первая предложила.

— Ну и что?! — пожала плечами Леночка, любившая, как все девочки, блестящее и героическое. — У каждого человека есть право выбора: спросите у моего папы, он — адвокат!

— Устроим конкурс невест! — подпрыгнув на месте, закричал Саша. — Мальчики выбирают девочек, с которыми дружить хотят: по взрослому телевизору такое недавно показывали!

— Правильно! — обрадовались все новому развлечению.

— Дети! — зашедшая в комнату воспитательница обвела всех внимательным взглядом. — Соберите игрушки и в постель: «тихий час»!

— В другой раз конкурс проведем, — зашептала Леночка, подбирая с пола куклу и плюшевого медвежонка. — Придумаем, чтоб интересно было.

Все согласно закивали головами.

— Ты, мама, меня неправильно воспитываешь! — решительно сказала Олечка, когда бабушка привела ее вечером из садика домой.

Несшая кастрюлю с водой мама едва не уронила ее на пол.

— Как это: неправильно?!

— А так: не теми способами меня наказываешь! Ну, отругала, мороженого или конфет не купила: сейчас это не наказание. Современней надо быть, по-новому все делать!

— Но я в угол иногда ставлю, — начала оправдываться мама.

— Просто ставишь! — Олечка была неумолима. — А надо: коленками на горох, как во всех настоящих семьях. Мне сегодня в садике так за тебя стыдно было! У нас что: гороха нет?!

— Есть! Сейчас принесу.

Поставив кастрюлю с водой на плиту, мама открыла шкафчик, достала оттуда пакет и направилась в Олечкину комнату.

— Пойдем, неразумный ребенок! — позвала она Олечку.

Раздумывая, нужно ли обидеться на слово «неразумный», Олечка пошла вслед за мамой, с удивлением наблюдая, как та посыпает угол комнаты горохом.

— Становись! — велела мама.

— Коленками?! — протянула Олечка, с сомнением поглаживая на круглые ядрышка гороха. — Ты что: меня наказываешь? Но я ничего не успела натворить!

— Когда набедокуришь, я тебя коленками на соль буду ставить! — объяснила мама. — Горох — это для тренировки.

Минут через десять Олечка поняла, что ничего хорошего в горохе нет.

— Мама! — закричала она. — Переставь меня на соль, пожалуйста! На горохе неудобно!

— Ладно! — согласилась мама, с интересом поглядывая на дочку.

Взяв совок, мама собрала горох, выбросила его в мусорное ведро, а освободившееся место засыпала крупными зернышками соли.

— Прошу, сударыня! — предложила она дочке.

— Ой, как щиплет! — То, что соль болезней, чем горох, Олечка поняла быстро. — Мама, ты плохо придумала! Забери меня отсюда!

— Не всякое новое лучше старого! — Мама помогла Олечке встать на ноги, убрала впившиеся в кожу крупинки с ее коленок. — Помой руки и садись ужинать!

Доев жаренную картошку с грибами, Олечка потянулась рукой к чашке с чаем и, задев фарфоровую сахарницу, сбила ее со стола. Привстав, мама сердито посмотрела на лежавшие на полу осколки, рассыпанный сахар...

— Мама, давай договоримся, — быстро сказала Олечка. — Наказывать меня будешь по-старому!

РАЦИОНАЛИЗАТОР

— Что такое «рационализатор»? — услышав по телевизору незнакомое слово, спросила у старшей сестры десятилетняя Тоня.

Учившаяся на первом курсе института Настя снисходительно посмотрела на «шестиклашку»:

— Это когда кто-нибудь придумает такое, отчего всем становится лучше. Таких людей мало, их берегут и поощряют.

— Чем поощряют: деньгами? — заинтересовалась Тоня.

— Наверное, — растерялась Настя. — Но Почетную грамоту и подарок дают обязательно.

Тоня задумалась. И думала до обеда, на который мама, учитывая воскресный день и недавно полученную зарплату, приготовила отбивные и пюре.

— У меня — рационализаторское предложение! — подождав, когда все сядут за стол, громко объявила Тоня.

— Слушаем тебя, — с опаской сказала мама, готовясь защищать дом от очередной идеи младшей дочери.

— Ты недавно говорила, что Настя часто болеет, ей нужны особые условия, здоровое питание. Правильно?

— Да, — согласилась мама. — Я это и сейчас могу повторить. А что?

— Предлагаю следующее, — Тонин взгляд скользнул по сложным в тарелку отбивным. — С сегодняшнего дня всю полезную еду — рыбий жир, овсянку, манную кашу — будем отдавать Насте. А остальное — вкусное, но вредное: жаренное мясо, например, — кушаю я. Мне Настино здоровье важнее, чем собственное. Согласны?

Мама и Настя оторопело молчали, глядя то на Тоню, то друг на друга.

— Между прочим, — заторопилась Тоня. — От своего рационализаторского права на Почетную грамоту я отказываюсь. Мне достаточно торта и мороженого. Желательно сегодня на ужин.

И тогда мама и Настя заговорили.

ТОНЯ

.....

Вчера шестиклассница Тоня побила трех мальчишек, а сегодня ее нокаутировала контрольная по математике.

С мальчишками было просто. Они шли — нахальные, веселые, — бросали в спину возвращающейся из магазина Тони мелкие камешки, гоготали над ее красной шапочкой: в общем, вели себя не так, как положено мальчишкам

из порядочных семей. Случайно узнав на уроке арифметики, что три больше одного, они развлекались, гордясь своей безнаказанностью.

Вздрагивая от попадающих в спину камешков, Тоня шла, раздумывая, не будет ли ее разборка с хулиганами считаться нападением, поскольку принципы тхэквондо разрешают применение приемов только для защиты. Ее этические мучения прервал увесистый камешек, стукнувший Тоню по голове.

Ойкнув, тхэквондистка остановилась, поставила сумку с продуктами на землю и направилась к обидчикам. Ухмыляясь, мальчишки ждали ее приближения, готовые услышать: «Что я вам сделала? Маме скажу!» и прочие жалобные слова, поэтому Тонин непосредственный переход к действиям оказался для них сюрпризом. Через минуту, познакомившись с Тониными кулаками и ногами, два хулигана, подвывая, катались по земле, а третий — с расцарапанной физиономией — улепетывал прочь.

Как невелико расстояние от успеха до неудачи! Тонина победа, более двадцати раз пересказанная маме и старшей сестре Насте, позволила тхэквондистке незаметно уклониться от изучения математических правил, что отразилось в неудовлетворительной оценке по контрольной.

Домой из школы Тоню сопровождал унылый осенний дождь, привычно развешивающий на ветках деревьев пасмурное настроение, — созвучное похоронным чувствам плетущейся по дороге двоечницы. «На тхэквондо мама не пустит, и в цирк, обещанный на воскресенье, теперь не попаду, — мрачно размышляла шестиклассница. — Лучше бы меня мальчишки поколотили, чтобы я в больнице оказалась: хотя бы на сегодняшний день».

Мысль о больнице, появившись, не исчезала, подсказывая направление деятельности. Сложив зонтик и сняв шапочку, Тоня подставила макушку слетающей с неба влаги: «Если основательно простудиться, то “неуд” для мамы покажется мелочью».

Дождик оказался хорошим союзником: до своего двора Тоня дошла не только насквозь промокшей, но и — как она ощущала — заразившейся всеми известными человечеству болезнями.

В доме было пусто: мама зарабатывала деньги преподаванием в колледже, а Настя околачивалась в институте, делая вид, что интересуется экономикой. Поставив на газовую плиту наполненный водой чайник, Тоня зажгла газ и занялась развешиванием в коридоре мокрой одежды: чтобы каждый, входя в дом, упирался в нее носом, — и ахал, понимая, что ребенок с трудом спасся от мирового потопа.

Несмотря на то, что в комнатах было жарко — мама забыла утром выключить АГВ, — Тоня надела вязанные носки, теплые лыжные шаровары и шерстяной свитер, завершив композицию чалмой из пухового платка. Полюбовавшись на себя в зеркале, Тоня осталась довольна: увидев дочку, мама если и не потеряет сознание от ужаса, то о контрольной забудет наверняка.

Будучи разумной девочкой, Тоня понимала, что для завершения натюрморта «Привет из могилы!» не хватает пустяка: термометра, где верхняя планка ртути уютно устроилась между тридцатью девятью и сорока градусами.

Порывшись в столе, Тоня достала свой любимый термометр. Сколько раз он выручал ее, освобождая от школьных уроков и ответственности за плохие оценки! И сегодня он обязан ее спасти!

Как часто мы не понимаем, что нельзя найти черную кошку в темной комнате, если ее там нет! Тоня с трудом сдерживала слезы: нырявший под свитер термометр при возвращении упрямо показывал тридцать шесть с половиной градусов. Под воздействием физических усилий, заключавшихся в трении термометра о шаровары, столбик ртути поднялся на две десятых градуса, после чего, обессилев, застыл на месте.

Только разбитый под Ватерлоо Наполеон мог бы понять охватившее Тоню отчаяние! Вспотевшей мышью бегала она по кухне, размышляя, как выбить из термометра недостающие ей градусы.

Стук раскрываемой во дворе калитки ударил в сердце двоєнницы пулеметной очередью. Заметавшись, Тоня зацепилась взглядом за вскипевший чайник и, решив, что выход найден, сунула туда термометр, — мгновенно разорвавшийся на части.

Увидев мокрую от пота и слез дочку, одетую в поразжающий воображение и приличия наряд, мама не упала в обморок, зато остолбенела на время, достаточное, чтобы кошка Тучка сделала вокруг маминых ног два неспешных круга. Занятый у соседей термометр разоблачил Тонину симуляцию, после чего настала очередь жуткому рассказу о коварной учительнице, неправильных математических задачах и невиновной шестикласснице.

Вымытая под душем и переодетая в цивилизованную одежду Тоня, оставшись с тхэквондо, но без цирка, вскоре успокоилась и даже приняла участие в семейной викторине, пытавшейся угадать, как термометр оказался в чайнике. Тоня при этом вопросе недоуменно пожимала плечами («Сам залез!») и мама постепенно склонилась к версии начитавшейся Андерсоновских сказок Насти, утверждавшей, что термометр толкнула в кипяток безнадежная любовь.

Все случается в странном мире детства. Возможно, термометр действительно погиб оттого, что не сумел помочь своей любимице Тоне.

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА

Авторитет я, выпускница педагогического училища, завоевывала строгим голосом, требованием: «Мы — одна

семья!» и принципами равенства и справедливости, переданными по наследству мамой и бабушкой. Дети — шестнадцать мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста — почти не сопротивлялись, утверждая меня в правильности педагогической линии, — и неизвестно, куда завел бы этот путь, если бы перед Новым годом наша детсадовская группа в числе прочих не получила от богатенького спонсора пачку сливочного масла и баночку красной икры: неимоверную по перестроечным временам роскошь.

Вскрыв банку консервным ножом и освободив от бумаги масло, я положила деликатес на стол и отодвинулась в сторону, разрешая обступившим меня детям полюбоваться изысканным натюрмортом.

— Что это? — приблизив нос вплотную к банке, спросила Оля. Только вчера ее мама, не получавшая второй год зарплату, упрашивала заведующую не исключать ребенка из садика.

— Красная икра! — блаженно объясняю я. — Сейчас принесу хлеб и сделаем вкусные бутерброды: намажем на хлеб сливочное масло, а сверху положим икру, и когда будем откусывать, икринки начнут лопаться, а во рту станет солоно и щекотно, — плотоядно завершаю рассказ, глотая наполнившие рот слюнки. Дети замерли, внимая нарисованной картине.

За хлебом бегала минут пять, не больше, и, открыв дверь, остолбенела, увидев, как Оля, найдя где-то столовую ложку, под внимательными взглядами детей погружает ее в баночку с икрой.

Заметив меня, Оля поспешно зачерпывает полбанки и, теряя по дороге большую часть добычи, быстро сует ложку в рот.

— Бессовестная! — издаю я свирепый рык, в то время как Оля торопливо жует то, что досталось, а дети грустно рассматривают упавшие на пол икринки.

Толкнув правонарушительницу в угол, забираю покорно отданную ложку и, порезав хлеб и намазав лом-

тики маслом, раскладываю — чуть ли не по счету — оставшуюся в баночке икру. Оле бутерброд не полагается, ее наказание усугубляется тем, что она будет созерцать удовольствие, дружно получаемое правильными и хорошими детьми. Мстительно глянув на обиженное и злое Олино лицо, разрешаю приступить к еде.

Дождавшись команды, дети начинают есть, — кроме младшей по возрасту Жанны. Поднеся деликатес ко рту, Жанна останавливается, смотрит на Олю, потом на поощрительно улыбающуюся меня, — и вдруг твердо идет к Оле, на ходу вытягивая руку с бутербродом. Возмущенная своеволием, бросаюсь вперед, успеваю выхватить бутерброд из Жаниной руки. Взгляды детей устремляются на нас.

— Ах, так! — в сердцах кричу Жанне. — Ты против равенства?! Ты считаешь справедливым, что Оля дважды получит то, что мы с тобой — ни разу?! Или ешь бутерброд, или его съем я!

Дети во все глаза глядят на Жанну. Та упрямо опускает голову. Тогда я — страж педагогических принципов — демонстративно надкусываю злосчастный бутерброд. Выражение моей жующей физиономии: непреклонно-растерянное.

Жанна поднимает на меня взор. Она беззвучно плачет, и вряд ли — по бутерброду. Завистливое лицо Оли наполняется страданием, она подходит к Жанне и благодарно прижимает ее к себе.

А я с отвращением дожевываю бутерброд, сажусь, закрыв лицо руками, на стул, и реву, молча обращаясь к ускользящей вдаль душе: «Вернись! Я не хотела! Я не думала!»

И по теплу обхвативших меня детских рук понимаю, что была услышана.

СЕМЬЯ

— Какая ты, Тоня, некультурная, — воспитывала младшую сестру начитавшаяся хороших книг Настя. — Когда кушаешь, нельзя чавкать. Особенно в присутствии других людей.

— Почему ты поросенку ничего не говоришь? — перешла в наступление Тоня. — Он громче меня чавкает.

— Потому что, в отличие от тебя, он не мой родственник, — рассудительно объяснила Настя.

— Я в этом не уверена, — хитро прижмурилась Тоня.

— Тише, дети! — прикрикнула мама на сестричек, усаживая Настю, собравшуюся отвесить Тоне затрепину, обратно на стул. — Тоня, тебе сделали замечание, а ты продолжаешь чавкать.

— Ну и что? — пожала плечами Тоня. — Сейчас за столом людей нет.

— А мы?! — хором возмутились мама и Настя.

— Вы — свои, это не считается, — махнула рукой Тоня. — Вы обо мне всегда плохого мнения, даже когда я не чавкаю.

Тонино лицо перекосила плаксивая гримаса:

— Уверена: сейчас посуду мыть заставите.

— Потому что твоя очередь, — закричала Настя. — Вчера я посудой занималась.

— Вот-вот, — кивнула головой Тоня. — Когда тарелки жирные и грязные — сразу наступает моя очередь.

— Ладно, иди гуляй, — поморщилась мама. — Я сама посуду помою.

И Тоня тотчас куда-то исчезла.

Появилась Тоня часа через два, пояснив, что беседовала о важном, о девичьем с живущей поблизости подружкой Машей.

Промаявшись до вечера над домашними заданиями по математике, Тоня ласковым котенком начала тереться возле мамы.

— Что понадобилось? — насторожилась мама.

— Ты совсем не заботишься о Насте, — укоризненно сказала Тоня. — А она по ночам мерзнет. Пусть она теперь со мной спит.

— Я подумаю, — растеряно ответила мама, привыкшая с подозрением относиться ко всем добрым начинаниям младшей дочери.

Пройдя в зал, где Настя сидела за компьютером, мама встревожено спросила:

— Тебе ночью холодно?

— Нет, — удивилась Настя.

— Если хочешь, можешь спать в одной кровати с Тоней, — продолжала беспокоиться мама.

— Вот еще! — фыркнула Настя. — Тоня брыкается во сне, как мустанг.

— Тоня, зачем ты про Настю сочинила? — вернувшись в комнату, спросила мама.

— Потому что у меня ножки мерзнут, — охотно объяснила Тоня. — А Настя все равно ночью бездельничает, уроки не учит: пусть и будет мне вместо грелки.

Несколько секунд мама молча разглядывала дочку, потом вздохнула и тихонечко удалилась на кухню. Даже когда понимаешь, что родители и дети ходили не только в разные школы, но и в разные детские садики, семья все должна стерпеть, примирить и успокоить. На то она и семья.

ТОРТ

— Почему ты заставляешь меня пить кипяченую воду?! — обращаясь к бабушке, возмущалась маленькая Катя. — Сырая вода вкуснее.

— В сырой воде много микробов, — терпеливо объясняла бабушка. — При кипячении они умирают.

— Ты хочешь, чтобы я пила воду сдохлыми микробами?! — негодует Катя. — А говоришь, что меня любишь!

— Конечно, люблю! — растерянно оправдывается бабушка. — Но медицина...

— Если любишь: дай кусочек торта, — Катя с вождением посмотрела в сторону холодильника, куда мама перед уходом на работу спрятала купленный в магазине торт.

— Не могу, внучка: мама отругает. Вечером гости будут: тогда торт и достанем. Я тебе самый большой кусок отрежу.

— Столько ждать! — скривилась Катя. — Сама говорила: то, что долго стоит, может испортиться.

— Торт свежий: к тому же окружен холодом! — доказывает бабушка и, желая отвлечь внучку от сладких мыслей, предлагает:

— Почитать сказку о богатыре?

Катя, поглядывая на холодильник, снисходительно кивает головой. Обрадованная бабушка быстро раскрывает книжку.

— Выезжает богатырь на перекресток дорог, видит большой камень, а на камне написано: направо пойдешь — костей не соберешь, налево..., прямо..., — с выражением читает бабушка, перечисляя ужасы, которые ожидают богатыря. — И задумался богатырь: куда ему ехать?!

— Назад, к маме! — подсказывает богатырю Катя и слезает со стула. — Бабушка, я эту сказку слышала. Поиграем в прятки: ты прячься, а я буду жмуриться. Только ты хорошо прячься, чтобы я долго искала!

Бабушка вздыхает и покорно кладет книжку на стол.

— Один, два, три, четыре, пять..., — уткнувшись лицом в стенку, Катя запнулась, вспоминая следующую цифру. Ничего не вспомнив, выкрикнула:

— Пятью пять — двадцать пять. Я иду искать.

Забравшаяся в чулан бабушка, усевшись на старый чемодан, задумалась о своих делах, ожидая, когда ее обнаружат и заставят жмуриться.

В чулане было так уютно, что уставшая от внучкиных проказ бабушка даже слегка вздремнула.

— А где Катя? — вдруг спохватилась бабушка. — Минут пятнадцать прошло, а ее нет. Не случилось ли чего?

Выбравшись из чулана, бабушка с тревогой забежала по квартире: детская, гостиная, спальня — пусто. Кухня...

Катя сидела за столом и ела торт.

— Бессовестная! — крикнула бабушка. — Кто тебе разрешил?

— Торт замерз и попросил погреться, — пояснила Катя, отодвигаясь на всякий случай на край стола.

С облегчением отметив, что большая часть торта осталась нетронутой, бабушка вернула беглеца в холодильник.

— Вот придет мама с работы — и тебя накажет! — пригрозила бабушка.

— А ты за меня не заступишься? — с надеждой спросила Катя, которой совершенно не хотелось быть наказанной.

— Нет, — отрезала бабушка. — Потому что ты еще и обманщица. Загнала меня в чулан, а сама...

Бабушка обиженно отвернулась.

— Я больше не буду! — сделав умильное лицо, произнесла Катя. — Давай помиримся.

Бабушка молчала.

Осознав, что неприятностей не миновать, Катя поежилась.

— Бабушка! — позвала она свою всегдашнюю защитницу. — Ты говорила, что меня купили в магазине. А мама тоже оттуда, из магазина?

— Да, — подтвердила бабушка, пытаясь понять ход мыслей ребенка.

— А кто ее покупал? — заинтересовалась Катя.

— Я, — ответила бабушка.

— Вот ты, бабушка, все делаешь неправильно, — сделала вывод Катя. — Нужно было купить не маму, а щенка: я бы тогда его вместо себя в угол ставила.

Бабушка рассмеялась — и Катя поняла, что мир восстановлен.

ПОДАРОК

— Мама, а кто в нашей семье главный? — пришедший на кухню пятилетний Дениска с серьезным выражением лица смотрел на разогревавшую суп маму.

— Зачем тебе? — отвернувшись от плиты, улыбнулась мама, думая, что сама хотела бы узнать ответ на этот вопрос. — Для меня и папы главный в семье — ты.

— Нет, я маленький! — замотал головой сын. — Нехорошо обманывать.

— Тогда, наверное, папа — вздохнула мама. — Особенно когда деньги приносит. Тебе-то это зачем?

— Поговорить надо.

— Ну, со мной поговори.

— Нет, только с главным. Я слышал сегодня в садике, как наша воспитательница Анна Андреевна другой воспитательнице объясняла: «Если хочешь чего-то добиться — беседуй с главным».

— Что у тебя такое серьезное? — разлив суп по тарелкам, мама поставила их перед собой и Денисом. — А вдруг я смогу помочь?!

— Нет, подождем папу! — нахмурившись, решил Дениска.

Папа пришел, когда Дениска досматривал по телевизору вечернюю сказку.

— Между прочим, у сына к тебе серьезный разговор, — сообщила мама, ставя на стол ужин.

— Что-нибудь в детском садике? — встревожился папа.

— Не знаю, — пожала плечами мама. — Со мной Дениска откровенничать не захотел, потому что я в семье не главная.

— А кто тогда главный? — удивился папа.

— Я тут с народом посоветовалась и решила, что главный — ты, — объявила мама. — Кушай, потом с Дениской посекретничаешь.

Поужинав, папа, с грустью посмотрев в сторону телевизора, где диктор объявил о начале футбольного матча, отправился в детскую; за ним, притворяясь человеком-невидимкой, бесшумным шпионским шагом последовала мама.

— Рассказывай, что у тебя? — поцеловав Дениску, попросил папа.

— Помнишь: у меня через неделю день рождения? — выдержав паузу, торжественно спросил сын.

— Ты об этом! — облегченно вздохнул папа. — Конечно, помню. Я и мама уже и подарки тебе придумали.

— Опять какой-нибудь автомобиль или железную дорогу? — скривился Дениска.

— Не совсем, но почти, — растерялся папа. — А чем тебе такие подарки не нравятся?

— Они неправильные, от них только я радуюсь, — убежденно произнес сын. — А нужно, чтобы подарок для всех был.

— Для всех? — озадаченно переспросил папа. — Хорошо, я с мамой посоветуюсь.

— Не надо советоваться, — великодушно махнул рукой сын. — Я все придумал: вы подарите мне новое имя.

— А чем тебе нынешнее не нравится? — вмешалась мама, вспомнив, что выбором имени занималась она. — Так звали греческого бога Дионисия, очень популярного, между прочим.

— Конечно, все-таки бог вина, — гордясь своими познаниями, мечтательно произнес папа, прислушиваясь к голосу телевизионного диктора.

— Не только, — бросив на папу сердитый взгляд, уточнила мама. — Дионисий еще и радости покровительствовал. Ты послушай, как звучит: Денис! Правда, красиво?!

— Наверное, — задумался сын и вздохнул. — То, которое вы мне подарите, все равно лучше.

— Ладно! — переглянувшись с мамой, согласился папа. — Будем тебя называть другим именем. Наверное, Колей или Сашей, как твоих друзей?

— Нет! — отмахнулся Дениска. — Зовите меня теперь «Гарри Поттер».

ТИЛИ-ТИЛИ ТЕСТО

— Мама, можно, я схожу в туалет? — спросила Катя.

— Зачем? — удивилась мама, весело глядя на пятилетнюю дочку.

— Пописать, — старательно объяснила Катя.

— Не знаю, — засомневалась мама. — Какой-то несерьезный повод.

Увидев, как обиженно сморщилось Катино лицо, махнула рукой:

— Беги!

Пока Катя исполняла обязательное дело, мама с огорчением думала о том, что в приучении дочки к самостоятельности успеха пока не добились.

Посетив заветную комнату и помыв руки, Катя засуежилась вокруг кухонного стола, на котором мама лепила пельмени.

— Мама, ты их меньше делай, чтобы я целиком могла проглотить. А то, если половинки кусаешь, они брызгаются.

— Постараюсь, — согласилась мама. — В детском садике все нормально?

— Ой, мама, Сережка опять пришел не в той рубашке, что мне нравится! Пришлось отругать. Но он совсем не обиделся.

О детсадовском Катином поклоннике мама слушала каждый день.

— Мам, а почему мальчишки нас дразнят: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»? Они глупые, да?!

— Конечно, — подтвердила мама, ставя на конфорку кастрюлю с водой и зажигая газ.

— Сережка — ужасная мямля, — пожаловалась Катя. — Пока я не скажу: ничего придумать не может. Совсем как наш папа.

— Да, — вздохнула мама. — Если бы я его в ЗАГС не потащила — до сих пор бы возле меня топтался.

— Вот и Сережка такой, — пригорюнилась Катя. — Как он там сейчас, с родителями? Плохо ему без меня.

— Наверное, — согласилась мама, бросая в кипяток пельмени.

На следующий день, когда мама пришла забирать Катю из садика, ее ожидал сюрприз.

— Я и Сережа решили пожениться, — объявила Катя. — Сережа, иди сюда!

Симпатичный белоголовый мальчик нерешительно подошел к маме.

— Вот! — ткнула в него пальцем Катя. — Теперь он с нами жить будет. Правда, Сережа?

— Да! — стеснительно проговорил мальчик.

— Подождите! — воскликнула мама. И, обращаясь к Сереже, спросила:

— Твои родители знают?

— Нет, — мотнул головой Сережа.

— Тогда сегодня скажешь об этом маме и папе. А завтра, если они одобряют, пойдешь к нам. Я права, Катенька?

— Что ж: без родителей не обойтись, — подумав, подтвердила Катя.

По дороге домой мама молча восхищалась проявлением дочкиной самостоятельности и с ужасом думала о том, что говорить папе, если Сережины родители согласятся на Катинo предложение.

УРОК

На новенькую обратили внимание все: даже второгодник Петренко, так и не сумевший переползти из четвертого класса в пятый, снисходительно произнес:

— Если тронут: сразу ко мне, я тому...

И покачал перед носом ошарашенной Насти внушительным кулаком.

«Им хорошо! — думал Сережа Карманов, поглядывая на одноклассников. — Стаценко — круглый отличник, Непряхин в компьютерах разбирается, Басов среди младших классов первое место по гимнастике держит, а я...»

Сережа вздохнул: с посредственностью ни одна девочка дружить не захочет, а до офицера-пограничника, кем Сережа обязательно будет, еще столько лет учебы!

Начались уроки: алгебра, английский язык... Учителя изумлялись энтузиазму, с каким мальчишки торопились отвечать на вопросы, не понимая, почему так неодобрительно воспринимают это девочки.

На английском Карманов опозорился, неправильно просклоняв местоимение, зато на следующем, уроке украинской мовы, понял, что появился шанс прославиться: Сережины родители приехали в Красноперекопск из Чернигова и украинский язык бытовал в семье наравне с русским.

Учительница Татьяна Ивановна показала, как пишутся новые слова, а когда до окончания урока оставалось десять минут, велела четвероклассникам самостоятельно написать на обложке тетради свою фамилию, класс и название школы, и сдать тетради для проверки.

Загородившись локтем от пытающегося подсматривать соседа по парте, Сережа быстро выполнил задание, первым отнес тетрадь учительнице и, бросив гордый взгляд на Настю, вернулся на место.

Следующего урока украинского Сережа ждал с нетерпением, представляя, как, указав на ошибки одноклассников, Татьяна Ивановна отметит Сережину грамотность и тогда, в ореоле завистливого восхищения, можно будет подойти к Насте и предложить помощь в овладении украинским. Сережа уже видел, как Настя сидит в его комнате, пьет чай с пожаренными мамой пирожками,

а Сережа, снисходительно игнорируя Настино восхищение, объясняет языковую премудрость.

Как Сережа и предполагал, Татьяна Ивановна начала урок с разбора допущенных ошибок, оказавшихся даже у отличника Стаценко.

— Тільки два учня надписали свої зошити без помилок, — Татьяна Ивановна подняла над головой две тетради, — Це Анастасія Віник, приїхавшая до нас зі Львову, і якийсь новий учень, про якого на минулому уроці староста мені не доповів. Хто це: Сергій Кишеня із Червоноперекопайська? Піднімісь, будь ласка!

Сергей растерянно поднялся из-за парты.

— Ты, Карманов? — от изумления Татьяна Ивановна заговорила на русском языке. — Но названия и фамилии при переводе не меняются, я обращала внимание, ты, наверное, прослушал.

— Наверное, — слезы выступили из Сережиных глаз: он старался не вслушиваться в насмешливые реплики одноклассников.

— Тихо! — прикрикнула Татьяна Ивановна. — Сідай, Карманов! І будь уважніше!

Багровый от стыда, Сережа сидел, думая, куда сбегать от всех, и прежде всего от Насти, на переменке.

Прозвенел звонок; Татьяна Ивановна вышла из класса. Увидев, сколько насмешливых лиц повернулось в его сторону, Сережа обхватил голову руками и уткнулся в парту.

— Эй, Кишеня! — голос Стаценко.

— Из Червоноперекопайска! — это, конечно, Басов.

Хохот заполнил Сережины уши: смеялись все, даже девчонки.

— Как вам не стыдно! — неожиданно прозвенел Настин голос. — На себя посмотрели бы!

Сережа удивленно поднял голову: рядом с его партой стояла Настя и под ее сердитым взглядом смех стихал, словно его выключали.

— Действительно! — громко сказал Петренко. — Привязались к пацану!

— Послушай! — Настя обернулась и Сергей словно утонул в ее глазах. — Давай вместе украинским заниматься? Согласен?

— Да! — прошептал Сережа и понял, что означает слово «счастье».

ТОВАРИЩИ

— Главное — это тренировка! — доказывал Юра. — Когда зарядку по утрам делаешь, на руках отжимаешься, кросс бегаешь: тогда можно и каким-то видом спорта заняться.

— А почему нельзя одновременно все делать?! — возражал Коля. — Скажи, Аня?

Стоявшая возле них Аня неопределенно пожала плечами. Бокс — мужское дело, пусть сами разбираются.

Пятиклассники Юра Громов, Коля Сидоренко и Аня Прима стояли возле объявления о наборе в младшую секцию бокса и решали, нужно ли Юре и Коле записываться в секцию.

— Если хочешь: иди! — резюмировал после долгих дебатов Юра. — Самому стыдно будет!

— И пойду! — решительно сказал Коля.

— Ха-ха! — засмеялся Юра. — Тренер увидит твои слабые ручки, полюбуется, как ты на турнике работать не умеешь, — и выгонит.

— Может, и нет, — нерешительно произнес Коля и отчаянно махнул рукой:

— Сейчас и пойду: будь что будет!

— А я домой: мускулы наращивать, — с удовольствием объявил Юра. — А ты куда, Аня?

— По парку прогуляюсь, потом уроками займусь, — подумав, ответила девочка. — Пока, мальчики!

Друзья расстались.

На следующий день, как только Коля зашел в класс, его сразу же окружили Аня и Юра.

— Ну что: приняли? — с надеждой спросила Аня.

— Да! — гордо ответил Коля. — Иван Макарович — это мой тренер — посомневался вначале, потом сказал, что берет меня с испытательным сроком.

— Как это? — не понял Юра.

— Если программу секции буду выполнять: останусь, если нет, — попросят уйти, — объяснил Коля.

— Трудно первый день было?

— Не очень, — сознался Коля. — Тренер об истории бокса рассказал, потом разминку делали, посмотрели, как «старички» боксируют — и все.

— А я пятнадцать раз от пола отжался, а утром пять кругов по двору пробежал, — похвастался Юра.

— Я тоже начну по утрам бегать! — решил Коля.

Зазвенел звонок на урок. Все поторопились к своим партам.

Юра, Коля и Аня жили на одной улице, учились в одном классе и считались друзьями. Поэтому даже соперничество, появившееся между Юрой и Колей — кто самый спортивный — не омрачило их дружбу. Конечно, Юре не очень приятно было слушать, как Коля щеголяет перед Аней словами «спарринг», «прямой левой», «нокдаун», зато Юриным мускулам через полгода завидовали все пятиклассники, а учитель физкультуры включил Юру в число участников школьной спартакиады.

Весна в этом году наступила неожиданно. Юра, Коля и Аня брели по аллеям Гагаринского парка и, как обычно, спорили.

— Не понимаю, почему ты на секцию не записываешься? — удивлялся Коля.

— Рано пока, — важно ответил Юра. — Еще сил набираю — и тогда всех боксеров одной левой уложу. Тренер меня сразу на республиканские соревнования выдвинет. Пощупай, какие мускулы!

Коля с уважением сдвигал пальцами напрягшуюся Юрину руку и восхищенно покачал головой:

— Да-а, как каменные! И все равно ты не прав.

— Ха! Докажи!

Уставшая от этих разговоров Аня пошла к берегу озера, решив полюбоваться проплывающей мимо стаей уток, и, споткнувшись о камешек, толкнула плечом одного из стоявших к ней спиной незнакомых мальчишек старше ее возрастом, увлеченно обсуждавших преимущество отдыха на Гавайях и Карловых Варах. Мальчишка, качнувшись, разъяренно повернулся к Ане.

— Ослица неуклюжая! — выругавшись, он, пропустив мимо ушей Анино «Извините!», уперся ладонью в ее лицо и толкнул в озеро. Возле берега было мелко и Аня смогла подняться на ноги и выбраться на землю, но, увидев, во что превратилась ее одежда, ощущая, как стекает с ее тела холодная вода, она расплакалась. Вид перемазанной илом девчонки показался хулигану крайне потешным и он весело загоготал; стоявший возле него точно такой же выхолонный парнишка присоединился к его хохоту.

— Как вы смеете! — увидев, что случилось с Аней, друзья бросились на помощь.

— Да я вас! — кричал плотный, широкоплечий Юра, напрягая мускулы.

Увидев бежавшего на него мальчишку, хулиган схватил из кармана электрошокер: когда Юра послал кулак вперед, стараясь ударить хулигана по голове, тот коснулся электрошокером Юриной руки. Сильный удар электричеством отбросил Юру назад, рука онемела.

Слегка отставший от Юры худенький, невысокий Коля сразу разобрался в ситуации. Приняв боксерскую стойку, он уклонился от удара электрошокером и, резко нагнувшись, ударил хулигана «под ложечку». Хулиган заорал, согнулся от боли и уронил электрошокер. Развернувшись, Коля «прямым правой» ударил второго хулигана в подбородок: тот откинулся головой назад и рухнул на землю.

Подняв электрошокер, Коля швырнул его в озеро и, взяв Аню и Юру за руки, торопливо сказал:

— Уходим, пока милиция не вмешалась!

При выходе из парка ребята почистили Анину одежду и, сев на маршрутное такси, отправились домой. Юра всю дорогу молчал, а когда сошли на остановке, сказал, обращаясь к Коле:

— Ты был прав! Завтра запишусь в секцию.

КТО ХОДИТ В ГОСТИ ПО УТРАМ

По воскресеньям бабушка устраивала дочке и зятю небольшой праздник, позволяя отдохнуть не только от работы, но и от четырехлетней непоседы и баловницы Варечки.

— Опять к тете Нюре пойдём? — уточняла, одеваясь, Варечка. — У тебя что: других подруг нет?

— Есть, — вздохнула бабушка. — Но далеко: одна в Сан-Франциско, другая в Москве. А разве у тети Нюры плохо? Тем более Кирилл тебя ждёт: в солдатики поиграете.

— А, мальчишка! — скривилась Варечка. — Тетя Нюра что: не могла внучку купить?

— Денег не хватило, — оправдывалась бабушка. — У нее пенсия маленькая.

— А ты почему не заняла? — Варечка с упреком посмотрела на бабушку. — Я в детском садике своей подружке Тане всегда куклу одалживаю. Меня ругаешь, а сама жадина.

— Хватит разговаривать! — вмешалась в диалог мама. — Целый час собираетесь!

И, выручая бабушку, добавила:

— Для дружбы все равно: мальчик или девочка. К тому же мальчика легко превратить в девочку.

— Как? — изумилась не только Варечка, но и бабушка.

— А так! — хитро прищурила глаза мама. — Нужно надеть на него юбку и бантики, вот и все!

И, подтолкнув дочку к выходу, велела:

— Слушайся бабушку и в гостях веди себя хорошо, не то вечером без пирожного оставлю.

Часть пути шли пешком: начитавшаяся ученых книг бабушка называла это «моционом». Заглянувший ночью в город майский дождик оставил в небе облака, спешащие куда-то по неотложным делам. Запрокинув голову, Варечка внимательно их изучала, находя сходство с различными животными и уговаривая бабушку посадить ее на ближайшее облако.

— Я немножко покатаюсь и вернусь, — обещала она. — А маме мы ничего не скажем.

— Я не достану до неба, — сопротивлялась бабушка. — К тому же там самолеты летают, ты им мешать будешь. Видишь впереди остановку: подождем троллейбус и поедем.

Бросив грустный взгляд на небо, Варечка перенесла внимание на приближающийся троллейбус.

Войдя в салон, бабушка заняла пустовавшее место, посадив внучку на колени. Варечка тут же завертела головой, рассматривая проплывающие за троллейбусным окошком сценки городской жизни.

Троллейбус, вначале почти пустой, быстро наполнился пассажирами, занявшими не только кресла, но и проход. С интересом прислушиваясь к возникшей неподалеку ссоре («Женщина, не толкайте меня бюстом!» — «Я не толкаюсь, я дышу»), Варечка обратила внимание на стоявшую рядом даму с седыми волосами и, вспомнив усвоенные в детском садике правила вежливости, вскочила с бабушкиных колен:

— Садитесь, пожалуйста!

Оторопевшие дама и бабушка посмотрели друг на друга, потом на Варечку.

— Какой замечательный ребенок! — восхитилась дама. — Сколько тебе лет?

— Скоро семь, — приосанилась Варечка. Заметив укоряющий бабушкин взгляд, быстро добавила:

— Но пока четыре.

— Совсем взрослая, — констатировала дама. — Спасибо, девочка, за заботу, но, во-первых, я сейчас выхожу, во-вторых, твоей бабушке лучше сидеть, она тоже устает.

— Конечно: весь день не спит, всю ночь не ест, — любой устанет — согласилась Варечка, возвращаясь на бабушкины колени.

Дальнейший путь проехали без приключений и вскоре звонили в дверь тети Нюрино дома.

Радостно встреченные тетей Нюрой и с прохладцей — пятилетним Кириллом («Лучше бы вместо девчонки щенка в гости приводили!»), бабушка и внучка были тут же посажены за стол и накормлены вкусными пирожками. Завязавшаяся беседа велась в основном вокруг несомненной гениальности внуков, для доказательства чего приводились разнообразные примеры.

— Весь в отца: тоже инженером будет! — показывая на Кирилла, восклицала тетя Нюра. — Все время с молотком бегаешь, уже две вазы разбил. А недавно я показала ему фотографии, — сразу после роддома сделали, — так Кирилл поизучал себя и говорит: «Какой уродливый! Если бы аист принес такого мне, то я бы взял аиста».

— А я Варечке вчера «Сказку о рыбаке и рыбке» читала, — подхватила Варина бабушка. — И вдруг внучка возмущается: «Какой глупый старик: то новый дом у рыбки просит, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху!»

Похваставшись юным поколением, взрослые перешли к обсуждению материально-финансовых проблем, отправив заскучавших внуков в соседнюю комнату к телевизору и мультикам.

Посмотрев приключения Вины Пуха, детвора поиграла в солдатики, после чего занялась рассмотрением картинок в большой и разноцветной книжке о животных.

— Видишь эту собаку? — ткнул пальцем Кирилл. — Папа обещал мне такую на день рождения подарить.

— Красивая, — рассмотрев собаку, позавидовала Варечка. — А как ее зовут?

— Немецкая овчарка, — с трудом вспомнил Кирилл.

— Немецкая? — удивилась Варечка. — Она что: после войны нам в плен сдалась, да?

— Наверное, — смутился Кирилл, решив вечером спросить об этом у папы. — А это лев: за антилопой гонится. Сейчас схватит ее и съест.

— Такая маленькая, симпатичная, с рожками! — пожалела антилопу Варечка.

И, вскочив, сердито объявила:

— Лев ее не поймает!

— Нет, поймает! — встал напротив Кирилл. — Знаешь, как он прыгает!

Грозившую перейти в драку ссору прервала бабушка, сообщившая, что пора отправляться домой. Показав Кириллу язык, Варечка пошла одеваться и всю обратную дорогу донимала бабушку вопросами, сможет ли антилопа убежать от льва.

— А если и догонит: вдруг лев добрый, а антилопа знакомая, — рассуждала Варечка. — Неужели лев ее съест?!

Правильный ответ так и не был найден. Зато ночью Варечке приснился сон: лев догнал антилопу, узнал ее и они пошли рядом по зеленой траве, а все вокруг радовались и завидовали их дружбе.

ПОХОД

— Жаль, что пришли не все, — оглядев сидевших за партами ребят, сказала классный руководитель Жанна Петровна. — Понимаю, что воскресенье, и дома дел полно, но розыгрыш трех бесплатных путевок в Артек не часто случается.

Восьмиклассники молча переглянулись.

— Чем меньше, тем лучше, — громко выразил общую мысль староста класса Илья Вербицкий. — Наши шансы возрастут. А как будет проходить розыгрыш?

— По решению педсовета вам выделили путевки как самому успевающему и дисциплинированному классу — что вы сегодня должны доказать, — поднялся со стула директор школы Василий Семенович. — Мы поделим вас на две группы и отправим в поход. Начало — в десять часов, окончание — в четырнадцать часов. Победит та группа, которая выполнит все условия и первая вернется в школу: она и разыграет между собой путевки.

— А поход — это как? — недоуменно спросила Ленора Халикова. — Кто быстрее добежит?

— Нет, конечно, — улыбнулся директор. — Группа экспертов разработала задания и спрятала их в укромном месте. Рассчитаны задания на ваши знания из школьной программы, сообразительность, знакомство с историей города Саки и еще одно принципиальное качество, о котором вы должны догадаться сами. Идти будете по цепочке, от одного задания к другому. Понятно?

— Да-а! — зашумели ребята.

— Тихо! — прикрикнула на них Жанна Петровна. — Руководителем первой группы назначаю Илью Вербицкого. В нее войдут Катя Быстрова, Эльмаз Бай, Шевкет Аметов, Ленора Халикова, Степа Щербак, Вася Прихожанин, Ира Бойко. Вторую группу возглавит Юрий Максимов: он поведет тех, кто не вошел в первую группу. Вопросы есть?

— Нет, — ответил за всех Илья, с удовольствием отметив, что его группа состоит из лучших учеников класса. Что ж, он всегда был у Жанны Петровны любимчиком.

— Прежде чем получите первое задание, — всего их будет четыре — прошу всех сдать мобильные телефоны — вновь заговорил директор школы. — Вы должны

рассчитывать только на собственные знания, подсказки запрещены. А для контроля в каждой группе будут присутствовать в качестве наблюдателей представители администрации города Ольга Ивановна и Эльвира Алиевна.

Названные директором школы представители администрации, оказавшиеся очень симпатичными девушками, весело кивнули ребятам, с интересом наблюдая, как, толкаясь и шумя, восьмиклассники осторожно опускают мобильники в поставленный Жанной Петровной на стол ящик.

Подозвав к себе Вербицкого и Максимова, директор школы вручил каждому запечатанный конверт и сказал:

— Поход начался. Выводите свои группы на улицу, изучайте первое задание и двигайтесь по маршруту. Все понятно?

— Так точно! — по военному ответил Максимов и вместе с Вербицким начал торопить ребят быстрее выйти из класса.

На улице ребята разделились: первая группа поспешила к старой шелковице, где Вербицкий, разорвав конверт, изучал первое задание, вторая группа вслед за Максимовым облюбовала платан.

— Что там: читай вслух, — поторопила Эльмаз застывшего с недоуменным лицом Вербицкого.

— Слушайте! — громко сказал Илья. — «Официально их в городе Саки 145. Найдите ту из них, чье имя вы начали изучать в восьмом классе, и возле номера с названием вещества, часто используемого преступниками, обнаружите следующее задание». Чепуха какая-то!

— Обычная головоломка, — усмехнулся Шевкет Аметов. — Нечто подобное во всех газетах и журналах есть.

«Какой я болван!» — молча отругал себя Вербицкий и, метнув сердитый взгляд в сторону своего соперника по учебе Шевкета, вслух произнес:

— Чего у нас в городе 145?

— Может быть, санаториев и пансионатов? — нерешительно сказала Быстрова. — Или деревьев в парке.

Все загалдели, придумывая, что может подойти под цифру 145.

— Подождите, я все понял, — остановил всех Вербицкий. — Легче всего решается вторая часть головоломки. В восьмом классе мы начали изучать химию и анатомию. Слово «вещество» может иметь отношение к химии, но не к анатомии. А с чего мы начинаем изучать химию?

— С таблицы Менделеева, — подхватил мысль Ильи Аметов. — А что в городе носит имя Менделеева?

— Улица Менделеева! — закричала Катя. — Я по ней каждое утро в школу иду. На маршрутке быстро туда доедем.

И ребята вместе с не отстававшей от них Ольгой Ивановной поспешили к автобусной остановке.

Совсем не радостная атмосфера царила в группе Максимова, уныло наблюдавших, как соперники исчезают за уличным поворотом. Были перепробованы многие варианты, но ни один из них не приводил к разгадке цифры 145.

— Давайте еще раз подумаем над каждым словом, — разворачивая бумагу с заданием, сказал Максимов: «Официально их в городе Саки 145. Найдите ту из них, с героем которой вы познакомились в пятом классе, и возле номера с датой мистического праздника обнаружите следующее задание».

— Мы уже определили, что герои могут быть только в двух учебных предметах, изучаемых в пятом классе: литературе и истории, — рассудительно произнес Богдан Сердюк. — Мне кажется, следует остановиться на литературе, тем более что один из писателей в Саках хорошо известен.

— Правильно! — закричала Таня Лелека. — Николай Васильевич Гоголь. Ему памятник в городе поставлен и улица его именем названа. А «Вечера на хуторе близ Диканьки» мы как раз в пятом классе изучали.

— Точно! — усмехнулся Максимов. — Помню, как получил двойку за то, что «Ночь накануне Ивана Купала» не прочитал.

— Ивана Купала и есть мистический праздник, — обрадовался Богдан. — Бабушка говорила, что его седьмого июня празднуют.

— Получается: 145 улиц в городе, нам нужна улица Гоголя номер семь, — перечислила Таня. — Побежали на маршрутку.

И вместе с Эльвирой Алиевной ребята ринулись к остановке.

Приехав на улицу Менделеева, группа Вербицкого долго гадала, какое вещество часто используется преступниками. Любительница детективов Эльмаз догадалась, что это мышьяк, но никто не сумел вспомнить, какой номер он занимает в таблице Менделеева. Пришлось пройтись вдоль всех домов на улице, благо их было только тридцать четыре, и возле предпоследнего дома нашли на заборе приклеенный скотчем конверт с заданием.

— «Першим курортом в її кримській географії були Саки, потім другі міста, про які вона згадувала у віршах, присвячених братові Михайлу: «Ясне небо, ясне море, Ясні хмарки, ясне сонце. Певно, се країна світла Та злотистої блакиті, Певно, тут не чули зроду, Що бува негода в світі!». Вам потрібен будинок з номером, яким закінчуються спогади», — прочитал вслух Вербицкий и посмотрел на Степана Щербака:

— По украинской литературе ты в классе первый, так что напрягись мыслями: о чем это?

Степан задумался, потом нерешительно произнес:

— Стихи, скорее всего, Леси Украинки. Она жила в Крыму и много о нем писала. Не помню, была ли она в Саках.

— Конечно, была, — закричала Ира Бойко. — На центральной аллее санатория Саки ее памятник стоит.

— Другие варианты есть? — обратился ко всем Вербицкий.

После непродолжительной дискуссии выяснилось, что других вариантов нет.

— Леся Украинка и Крым... — вслух размышлял Вербицкий. — Что из этого следует?

— Элементарно, Ватсон! — с вызовом посмотрев на Вербицкого, произнес Шевкет знаменитую фразу из кинофильма. — Нужно ехать на улицу Крымскую и там все выяснить.

— Верно! — закричали ребята и побежали к очередной остановке.

Совсем другие проблемы возникли у группы Максимова. Прочитав задание: «Першим курортом в її кримської географії були Саки, а далі місто, про яке вона згадувала у віршах, присвячених братові Михайлу: «Блищать, мов срібні, білі стіни в місті, Спить ціле місто, мов заклятий край. Скрізь мінарети й дерева сріблесті Мов стережуть сей тихий сонний рай». Вам потрібен будинок з номером, яким закінчуються спогади», с помощью любительницы украинской поэзии Тани Лелека быстро установили, что стихи принадлежат Лесе Украинке и посвящены они Бахчисараю, но есть ли в Саках Бахчисарайская улица и где она находится, никто не знал. Спрашивать прохожих по условиям похода было запрещено, поэтому, посоветовавшись, ребята обратились к Эльвире Алиевне: «Что делать?» Позвонив директору школы, Эльвира Алиевна с его согласия сообщила восьмиклассникам, как проехать на Бахчисарайскую улицу, и предупредила, что группе начислены штрафные очки, к тому же она идет слишком медленно и отстает от группы Вербицкого.

Никто из ребят — ни у Максимова, ни у Вербицкого — не сумел вспомнить «номер, яким закінчуються спогади» у Леси Украинки, и, восполняя промахи знания, пробежались по домам на своих улицах, найдя задания на ограде двенадцатого номера. К сожалению, во время этих метаний между домами в группе Максимова случилась неприятность: худенький остроглазый Мустафа Сеитов, торопясь быстрее отыскать конверт, подвернул стопу и вывихнул ногу.

Приехавший по вызову Эльвиры Алиевны врач «Скорой помощи» зафиксировал и туго перебинтовал Мустафе ногу, однако отправиться в больницу Мустафа согласился только после того, как Максимов прочитал вслух очередное задание: «Найди арасында урамнарны аула авторны “поэзия саз” м отсчитай саны хрефе “е”: Nev-bahar euyatэ artmada сиюun О dem erdigі zaplarэс Tuna Payne уьз сыrer eуler hurюun Beklemez sularэ daplarэс».

— Кто что скажет? — растеряно спросил свою группу Максимов.

— Язык татарский и турецкий, — волнуясь, произнес Мустафа. — Дай мне бумагу.

Пока Сеитов вчитывался в текст, что-то усиленно вспоминая Алие Кадырова взволнованно закричала: «Поэзия саз»! На курсах по изучению крымскотатарского языка, которое духовное управление мусульман Крыма организовало, нам про нее говорили. Ее создал несколько веков назад Ашик Умер.

— Молодец, Алие! — воскликнула Полина Быкова, обнимая подругу. — Я улицу Ашик Умера хорошо знаю, там наш сосед недавно земельный участок купил.

— Но в задании написано: найти что-то в ауле и так далее, — остановил восторг ребят Максимов.

— Честно говоря, я про аул ничего не понял, — оторвал взгляд от бумаги Мустафа. — Но, поскольку Алие определила улицу, то могу ее дополнить: номер нужного нам дома вычисляется по количеству буквы «е» в четверостишии, а таких букв здесь одиннадцать.

Покричав «Ура!», ребята помогли погрузить Мустафу в машину «Скорой помощи» и, руководствуясь указаниями Полины Быковой, поспешили на улицу Ашик Умера.

Задание, полученное группой Вербицкого, звучало так: «Найди арасында урамнарны аула секретаре Иван Тургенева авторны м отсчитай саны хрефе “е”: «Aman, oplum, satma saqэн, elicdeki toprapэ, Anac kibi seni besler bereketli quzapэ. Pizen, arpa, ас istemez, verir saca bunlarэ, Sefil rezil olma saqэн, satэp ana toprapэ».

Все вопросительно посмотрели на Эльмаз Бай, Шевкета Аметова, Ленору Халикову.

— На вас вся надежда! — выразил общее мнение Илья.

Собравшись втроем, Эльмаз, Шевкет и Ленора, вглядываясь в текст, озабоченно заговорили на родном языке. Наконец Шевкет сказал:

— Аул «Сак» — это предшественник поселка, а с 1952 года — города Саки. Девятнадцать улиц города связаны с именами знаменитых крымских татар или их историей. Но прославились своей поэзией только Ашик Умер, Бекир Чобан-заде, Джемиль Керменчикли, Исмаил Гаспринский и Номан Челебиджихан. Чьи стихи в задании, мы не поняли, поэтому ориентируемся на подсказку: автор был секретарем писателя Тургенева. Здесь единственный вариант: Исмаил Гаспринский.

— И еще, — добавила Ленора, — номер нужного нам дома вычисляется по количеству буквы «е» в четверостишии, а таких букв здесь двенадцать.

— Спасибо, ребята! — обрадованно произнес Илья. — Без вас мы бы задание провалили.

— Побежали, а то «максимовцы» нас опередят, — засуетился Вася Прихожанин.

И Вербицкий, как настоящий командир, отдал приказ двигаться дальше.

Находившаяся на окраине города улица Исмаила Гаспринского состояла в основном из земельных участков и единственное место, куда можно было приклеить скотчем конверт с заданием возле недостроя под номером двенадцать — это деревянный столб для линии электропередачи. Однако ни на столбе, ни по соседству ничего обнаружено не было.

— Может, текст неправильно расшифровали? — спросил Илья у Шевкета.

— За правильность расшифровки я ручаюсь, — сердито ответил Шевкет. — Нужно в траве тщательно посмотреть: вдруг конверт сорвало ветром.

Безрезультатно порыскав возле участка, восьмиклассники растеряно подошли к звонившей директору школы Ольге Ивановне.

— Задание было на столбе, его кто-то снял, — успокоила ребят Ольга Ивановна. — Сейчас Жанна Петровна привезет аналогичный текст.

Минут через десять приехавшая на машине Жанна Петровна вручила Вербицкому задание и, пообещав учесть непредвиденную задержку во времени, уехала обратно.

— Читай вслух! — обступили ребята Вербицкого.

«Основная ценность города Саки, увеличенная на ценность ценности и приводящая в гости по адресу наименования этой ценности, определяемой именем героизма и золотой звезды», — громко прочитал Вербицкий и спросил:

— Какая основная ценность нашего города?

— Целебная грязь, — быстро ответила Бойко.

— И море, — добавила Бай.

Все загалдели, перебивая друг друга. Выяснилось, что у каждого собственное мнение об основной ценности города.

Выслушав всех, Вербицкий отрицательно покачал головой:

— В задании говорится о героизме и золотой звезде, что не соотносится ни с грязью, ни с морем. Скорее всего, речь идет о людях, совершивших героический поступок.

— Основная ценность города — человек! — задумчиво подытожил Шевкет. — Очень может быть.

— Послушайте, но ведь есть улица 9 героев, — воскликнула Быстрова. — А на ней гостевой дом с одноименным названием, куда мы должны прийти в гости — если отталкиваться от текста.

— Улица и гостевой дом 9-и героев — это ценность ценности, — поддержал Катю Вася Прихожанин. — Уверен, что задачу мы разгадали.

— Других версий нет? — обвел ребят глазами Вербицкий. И, помешкав, — что-то ему не нравилось в решении — скомандовал:

— Вперед!

Группа Максимова, ознакомившись с таким же текстом, как у соперников, вначале прошла через обсуждение аналогичных мнений, но потом ситуацию резко изменил Бажан:

— Вы обратили внимание, что задания мы получали на языке трех народов: русском, украинском и крымскотатарском? Я думаю, это не случайно. Основная ценность города — это народ, а если это народ разных национальностей, живущих на одной территории, то что для него важно?

— Дружба! — подхватила идею Баждана Ленера. — Только дружба между народами позволит Сакам успешно развиваться. Если начнутся межнациональные трения — город пропал.

— Тогда получается, что нам нужна не улица 9 героев, а улица Гайнутдинова, — медленно проговорил Максимов. — Во-первых, он сакчанин, то есть реальная ценность нашего города, во вторых, он стал Героем Советского Союза во время войны в Афганистане, когда наш народ помогал другому народу.

— Основная ценность города — народ, ценность ценности — дружба народов, адрес определяется именем героя Гайнутдинова, — перечислила Полина Быкова. — Только неясно, в каком именно доме нас ждут в гости.

— На улице Гайнутдинова есть гостевой дом «Островок», — вспомнила Рая Червоная. — Отправимся туда.

— Тогда поспешим! — посмотрев на наручные часы, отдал приказ Максимов. — По времени мы на грани фола.

Илья Вербицкий понял, что не зря сомневался в правильности решения задания, когда выяснилось, что в гостевом доме «Девять героев» их никто не ждет. Возможно, он бы меньше огорчился, если бы узнал, что у Максимова возникла та же проблема: собственник «Островка» о походе восьмиклассников ничего не знал.

Впрочем, Илья и Юрий доказали, что умеют быть руководителями: когда среди ребят началась паника и появились желающие сдаться и признать поражение, командиры восстановили дисциплину и потребовали

проверить вывески всех домов на улице. Однако, когда обход сорока девяти домов на улице Девяти героев не дал результатов, Вербицкому пришлось констатировать проигрыш и отдать приказ о возвращении в школу.

А группу Максимова ждал сюрприз: на доме 4а восьмиклассники обнаружили вывеску «ТСН «Дружба народов», а когда постучали в дверь, выяснилось, что они попали по правильному адресу. Гостеприимные хозяева учреждения напоили ребят чаем с конфетами и на микроавтобусе отвезли прямо в школьный двор.

— Подведем итоги, — глядя на сидевших за партами восьмиклассников, сказал Василий Семенович. — Мы не ошиблись в выборе класса, и вы доказали, что знаете школьную программу и историю города, а также обладаете такими качествами, как сообразительность и находчивость. Группу Вербицкого на последнем этапе подвела поспешность и невнимательность, и она не проанализировала, почему задания даны на трех государственных языках Республики Крым, — зато с этим отлично справилась группа Максимова. Да, ребята, дружба — это основная ценность нашей жизни. Когда исчезает дружба, возникают войны, разруха, разрушаются города и заходят в тупик поколения. А дружба народов — это то, на чем основано благополучие нашей страны — и, конечно, маленького крымского города Саки. А теперь начнем розыгрыш путевок.

— Василий Семенович, — поднял руку Максимов и, поднявшись после поощрительного знака директора, громко сказал:

— Я посоветовался с ребятами и мы решили: разыграем путевки среди всех, кто принимал участие в походе. Если говорить о дружбе, то нужно доказывать ее делом.

— Спасибо вам, мальчики и девочки! — улыбнулся Василий Семенович. — Это поступок, которым можно гордиться. Что ж, посмотрим, кого удача наградит отдыхом в Артеке.

И Жанна Петровна приступила к розыгрышу путевок.

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Несмотря на конец декабря, звезд не видно, да и луна показывалась лишь на мгновения, достаточные для перекочевки от одной тучки к другой. Короткими рывками дул ветер, обещая замершему в безмолвии лесу предутреннюю метель.

Лежа на промерзлом, почти сплошь укрытым снегом бугре, Андрейка внимательно всматривался в темноту. По слухам, в эту предновогоднюю ночь дежурил «Дядя Сэм» — лесник, прозванный так за жадность и жестокость. Ему попадаться нельзя: в прошлом году, поймав со срубленной елкой Вовку Степанова, он у Вовкиной матери не только последние деньги забрал, но и одеяла с кроватей унес. А куда денешься?! Отвел бы парня в милицию: штраф неимоверный и уголовное дело за воровство. Пусть лучше так...

До двух красовавшихся на горке елочек-близняшек, одну из которых предстояло срубить, около пятидесяти метров. Страшно, конечно. Но Ася — пятилетняя сестричка, — так плакала, елку у мамы просила. А откуда у той деньги? После того, как отца током убило, на еду не хватает. Вот Катьке, Андрейкиной соседке по парте, повезло: хвасталась, что елка у них большая-пребольшая, вся в игрушках, а на макушке — серебряная звезда...

Вроде никого. Поднявшись с земли, Андрейка направился к горке. Он позавчера специально подальше от города елочку высмотрел. Хотя «Дядя Сэм» хитрый: везде засаду может устроить. Его «Уазик» любое бездорожье пройдет.

Б-р-р, как холодно! До костей мороз пробирает! Папка, папка, как без тебя трудно! А этот Акатов, хозяин фабрики, что отца на столб лезть заставил — хотя и нельзя в дождь, — так деньги и не заплатил. Принес в суд справку, что у отца выходной был — ложь несусветная! — и судья Синанькин матери в требованиях

отказал. Судейский сынок Петька — Андрейкин одноклассник — бахвалился потом, что Акатов за решение пятьсот долларов отвалил.

Вот и близняшки. Из привязанной к поясному ремешку веревочной петли Андрейка высвободил топорик и огляделся по сторонам. Сейчас начнется самое опасное: стук топора в ночной тишине разносится на километры.

Выбрав одну из близняшек, Андрейка ударил топориком под корень. Он старался, спешил: но откуда взяться сноровке у двенадцатилетнего мальчишки?! Только минут через десять елка, шелестя ветвями, рухнула на снег, — и тут же Андрейка вздрогнул от приближающегося звука мотора.

Ну и влип! Овраг — одно из недоступных для «Уазика» мест — находился почти рядом, но в стороне, откуда торопилась машина, поэтому намеченный путь отступления отпадает. При бегстве в других направлениях — особенно вместе с елкой — машина догонит за несколько минут. Остается спрятать елку, затаится и понаблюдать за лесником.

Затянув на топорике веревочную петлю, Андрейка подхватил поверженную близняшку и оттащил к расположенной за кустами впадине. Оставив там елку, поспешил к бугру. Едва успел залечь, как из чащи деревьев, сверкая фарами, вылетел «Уазик». «Дядя Сэм», его машина!

Чувствовалось, что лесник хорошо ориентируется в лесных насаждениях: метнувшись, свет фар уперся в место, где недавно высилась елка. Подкатив к подножию горки, машина остановилась. Выбравшись из нее, «Дядя Сэм» забросил за спину охотничью одностволку, включил электрофонарь и пошагал к елочному пеньку.

— Сейчас увидит в снегу следы, пойдет по ним и найдет елку, — понял Андрейка. — Что делать?

Его взгляд скользнул по валявшемуся возле бугра высохшему елочному деревцу, срубленного осенью при санитарном прореживании леса. Вскочив, Андрейка схватил деревцо за корневую шейку и, волоча по снегу, ринулся к оврагу.

Услышав топот, лесник обернулся. Темнота и опустошенная поллитровка сделали свое дело: «Дядя Сэм» ни на секунду не усомнился, что удаляющая и что-то тянущая за собой фигурка — похититель с украденной елкой.

— Стой! — заорал «Дядя Сэм». — Стой, а то застрелю! Но беглец лишь увеличил скорость.

Выкрикивая угрозы и ругательства, «Дядя Сэм» тяжело впечатывал сапоги в снег и остановился, лишь увидев, что похититель достиг оврага, где в темноте легко сломать не только ноги, но и голову. И тогда в ярости на ускользнувшего вора «Дядя Сэм» сдернул с плеча ружье.

Хватая открытым ртом морозный воздух, Андрейка мчался, стараясь не вслушиваться в доносившиеся из-за спины крики. Сердце стучало так, словно готовилось выскочить из груди. Вот и овраг. Швырнув туда деревце, Андрейка прыгнул, заскользив вниз по склону: и с ужасом услышал, как пронеслась над головой, щелкая по веткам, утиная дробь.

«Промахнулся! — с досадой подумал лесник. — Нужно было сразу стрелять».

Зарядив ружье, «Дядя Сэм» залез в машину, угостился салом и самогоном, и, поглядывая на оставшуюся без подружки близняшку, решил прокатиться на другой конец леса и вернуться сюда для засады: охота на елочных браконьеров только началась.

Скатившись на дно оврага, Андрейка лежал, приходя в себя: «Ну и «Дядя Сэм»! Мог бы покалечить, а то и убить! Хорошо, что овчарку ему запретили: сильно кого-то погрызла!»

Послушав удаляющийся звук мотора, Андрейка облегченно вздохнул, с трудом выбрался из оврага, достал из впадины елку и, выбирая укромные места, направился обходным путем в город. Он шел, представляя, как обрадуется утром Ася, увидев стоящую в комнате елку, как они вдвоем будут цеплять на зеленые иголки сохранившиеся с прошлых лет игрушки. Маме скажет, что елку подарили.

В местах, где ветер смел с земли снег, Андрейка, оберегая елку от повреждений, нес ее на руках. Он устал;

болели разбитые при спуске в овраг коленки. К тому же оказалось, что он вышел не к своей стоявшей на краю города пятиэтажке, а в район частных домиков.

«Здесь Катька живет, — вспомнил Андрейка. — Вон ее окно светится. Телевизор, наверное, смотрит. Интересно, какая у нее елка? И откуда она?»

Андрейка знал, что Катькин отец два года назад уехал на заработки и пропал без вести, оставив трех детей, из которых Катька — самая старшая.

«Катька, конечно, фантазерка, — думал Андрейка, подходя к Катькиному забору. — Как тогда, на школьной экскурсии, когда уверяла, что ест бутерброды с красной икрой. Но Андрейка подсмотрел: черный хлеб с маргарином, как и у него. Зато про елку вряд ли соврала: слишком убедительно рассказывала!»

Андрейке очень захотелось посмотреть на Катькину елку и он, положив близняшку на снег, перелез через забор и подкрался к светящемуся окну. Странно: елки не видно! За столом сидит Катька, что-то говорит матери. Андрейка прислушался.

— Мам, а давай что-нибудь продадим! Я так елку хочу: пусть это будет последний раз в жизни! Она мне даже снится.

Катина мама помолчала, подошла к дочке, погладила по голове:

— Нам, Катенька, давно нечего продавать. Мы такие не одни: посмотрим елку по телевизору.

Взглянув на мать, Катька уткнулась лицом в ладони и горько заплакала.

Андрейка смутился: Катька слыла такой гордячкой, а тут... Волна сострадания к такой же, как он, обездоленной судьбой девчонке охватила его душу. Вернувшись к своей елке, он осторожно перевалил ее через забор и прислонил к окну. Стукнув в стекло, крикнул: «Подарок от Деда Мороза!» и поспешил прочь.

Через минуту, потуже завязав тесемки от ушанки и поправив топорик, Андрейка, устало переставляя ноги, шел по своему следу обратно: к оставшейся на горке близняшке.

ЛЕГЕНДЫ ..... БЕЛОГОРЬЯ

ЧЕТЫРЕ БРАТА

Взвивавшееся вверх пламя колыхнулось под порывом ветра, выхватывая из темноты бородатые лица сидевших у костра вооруженных мечами русичей. Осыпавшие небо звезды, отражаясь в водах реки Биюк-Карасу, суетились, перескакивая с волны на волну, разглядывая приткнувшуюся к берегу новгородскую ладью.

— Напрасно в Карасубазаре не остановились, — продолжая разговор, сказал Федор. — Село маленькое, грязное, и все же не на земле ночевать.

— В лесу спокойнее, — пожал плечами Иван, поправляя кольчугу. — Тем более с ужином повезло: Афанасий вовремя свинью подстрелил.

Тот, о ком шла речь, привстав, покрутил лежавший на вкопанных в землю рогатинах огромный вертел с нанизанными на него кусками свинины. Аромат жареного мяса заставил всех встрепенуться в ожидании близкого ужина.

Четверо расположившихся у костра мужчин были братьями, везущими из Новгорода меха, кожу и мед на продажу в Судак.

— Если б от каравана не отстали: были бы уже на месте, — вздохнул младший брат Никита, поглаживая лежавший у него на ладони желудь. — А так еще дня два пути, и не столько по воде, сколько по земле на катках. Мелеют реки: видно, дождей долго не было.

— Зато обратно вместе с караваном пойдем: обещаю нас подождать в Судаке, — рассудительно заметил Федор. И, обращаясь к Никите, произнес:

— Что ты этот желудь баюкаешь? С начала пути как с дитем с ним возишься.

— Мечта у меня: посадить на крымской земле новгородский желудь, — объяснил Никита, пряча семя в прикрепленный к поясу мешочек. — Дед говорил,

что дуб больше тысячи лет живет. Представляете: нас давно не будет, а память в веках останется.

— Дуб — великое дерево, — согласился Иван. — Не зря Перуну посвящено. Там, где дубовые срубы колодцев, вода никогда не «цветет», всегда студеная и чистая. Дуб и в воде не гниет, и шашель его не «берет». Солнце, мороз — ему все нипочем!

— Дед говорил: чем больше живет дерево, тем выше качество древесины, — вспомнил Афанасий. — Ободья и полозья гнут из дуба в возрасте сто пятьдесят — двести лет. А какие из него бочонки! Молодец младшой, хорошо придумал!

— Ужинать пора! — поднялся с земли Федор — и, бросив взгляд в сторону кустов орешника, с криком: «Разбойники!» прыгнул к лежавшим возле костра щитам. Мгновение — и братья, закрывшись щитами и оцетинившись мечами, стали спиной друг к другу, отбиваясь от выскочивших из кустов двух десятков человек с кривыми саблями и ножами.

Крепка новгородская кольчуга и остра сталь: шесть нападавших лежало убитыми вокруг умело сражавшихся братьев. Заколебались разбойники, надумали отступить, — и сделали братья ошибку: разомкнули круг, решив преследовать врага. Тотчас каждый оказался в окружении. И вот, взмахнув руками, упал Иван от удара в бок, уронил щит изнемогший от ран Афанасий.

— Беги! — крикнул Федор, придя на помощь младшему брату. — Спасайся: я отвлеку!

Замешкался Никита, — и потерял мгновение. Нырнул в кусты, но поздно: догнал его, пробив кольчугу и ударив в спину, кинжал, брошенный разбойничьим предводителем. Недолго бежал младший брат — и опустился, захлебываясь кровью, на траву. Было слышно, как, в последний раз выкрикнув: «За Русь! За Новгород!», замолчал Федор, и стихли звуки битвы. Послышались голоса: оставшиеся в живых разбойники приближались

в поисках младшего брата. Выхватил нож Никита, быстро выкопал ямку и положил туда вытащенный из мешочка желудь. У него еще хватило сил засыпать ямку землей и встать, чтобы встретить смерть так, как встречают герои: лицом к лицу. Изрубленный саблями, он упал, и его кровь, пропитав землю, стала той влагой, которая пробудила дремавшую в желуде жизнь.

Прошли годы, сложившиеся в века. Вырос из желудя громадный дуб. Десять человек не могут его обхватить, восемнадцати метров достигла его вершина. Именуется дуб Суворовским: под ним в 1777 году вел русский полководец перед битвой переговоры с посланником султана. Но чаще, глядя на ствол, из основания которого отходят четыре больших сросшихся ветки, напоминая стоящих друг к другу спинами мужчин, называют дуб: «Четыре брата», — в память о русских купцах, привезших желудь из далекого Новгорода.

ТАМГА

— Папа, почему эти пещеры называют «Сарматскими»? — требовательно спросила четырнадцатилетняя Полина, стоя рядом с отцом у подножия Белой скалы (Ак-Кая).

Был май: время пионов. Солнце ползло к полудню, усиленно доказывая, что лето все-таки наступит.

— «Сарматами» назывались кочевники, обитавшее в этих местах восемнадцать веков назад. Археологи нашли в пещерах сарматские «тамга»: высеченные на стене знаки, свидетельствующие о праве собственности рода на эти жилища, — взяв дочку за руку, папа повел ее в тень ближайшего дерева. — Остатки керамики, пепла и прочего мусора, обнаруженные в земле перед пещерами, объясняют, что сарматы жили здесь лет двадцать, не меньше.

— А что это были за люди? Красивые? — продолжала любопытствовать дочка.

— Очень! Они были высокие ростом, бородатые, светловолосые, с правильными чертами лица. Греческий историк Геродот пишет, что сарматы появились в результате слияния амазонок и одного из скифских племен. Это был кочевой народ, вытесненный гуннами с Азии в Крым.

— И что: от них ничего не осталось? — погрустнула Полина

— Почему же? Остались названия рек: Днестр — или Данастр, Днепр — или Данапер, Дон — по сарматски «вода». Да и слово «тамга» породило наименование «таможня». А еще с давних времен блуждает по Белогорью одна легенда. Вот она.

...От погони уходили долго. При переправе через реку пришлось бросить телегу с кибиткой, а вместе с ней необходимые для обихода вещи: огромный железный котел, плоскодонные тарелки со скошенным бортиком, невысокие чашки, кувшины с узким горлом. Амига втайне жалела о своих украшениях — зеркале, бусах, цепочках, серьгах, — но молчала, понимая, что ей, воину и жрице богини солнца, стыдно говорить о безделушках. К счастью, сохранились сменные лошади, позволявшие сарматам, перепрыгивая с лошади на лошадь, скакать, не останавливаясь, сутками: к седлу трех из них были приторочены кожаные тюки с запасным оружием и набором утвари для приготовления пищи.

Путь к перекопскому перешейку был закрыт: шедший из Боспора многочисленный отряд скифов, на который сарматы неожиданно наткнулись, отрезал их от степи, и единственным спасением оставались горы.

Гатал оглянулся: шесть человек — из них две женщины — составляли скачущее за ним войско. Все, что осталось от некогда могущественного сарматского племени Барана. Вытесненные с Танаиса в начале

азиатскими хуннами, а затем — уже с территории Буга — кочевавшими на юг от Балтийского моря готами, сарматы искали спасения на крымской земле. И вот... Стада скота, овец, табун лошадей, не говоря о женщинах, детях и стариках, — все превратилось в добычу Боспорского царства.

Смеркалось. Остановив коня, Гатал поднял руку — и отряд замер на месте. Гатал прислушался: шума погони не было. Степной народ не любит гор и лесов, и только беда может загнать их в тесноту деревьев, делающих бесполезными лук и копья.

Гатал опустил руку — и отряд спешился.

— Полежай на дерево, поищи возвышенность: будем устраиваться на ночлег, — приказал Гатал самому молодому воину: Тасикаю.

— На севере — высокая белая скала, — сообщил, спустившись с громадного дуба, Тасикай.

— Трогай! — велел Гатал отряду.

До места добрались, когда Медведица, растолкав остальные звезды, разлеглась на середине неба. Стреножив лошадей, выставили охрану. Амига при неярком свете костра осмотрела и подлечила раны воинов. Поужинав убитым по дороге зайцем, нарубили веток и, набросав сверху запасную одежду, легли спать.

Утром собрались на совет.

— Нужно пробираться туда, где сохранились сарматские племена, — предложил грузный, покрытый шрамами Витал.

— Некуда! — вздохнул Гатал. — Кавказских сарматов подчинили себе аланы, дунайские сарматы перешли на службу Риму и отправлены Марком Аврелием в Британию. Мы уступили свои степи другим народам, наше племя — последнее.

— Почему не остаться здесь? — предложила Амига. — В скале две пещеры, я с восходом солнца их осмотрела: для жилья подходят. Рядом речка, зверья в лесу хватает.

— Мудрая мысль! — согласился с женой Гатал. — Подлечим раны, осмотримся: а там будет видно.

Нижнюю пещеру заняли холостые воины, а семейные пары — Гатал с Амигой и Витал с Диной — обустроили верхнюю пещеру, перегородив ее пополам кожаной занавесью.

Через месяц стоянка превратилась в укрепленный лагерь, огороженный забором из бревен, защищающий лошадей от ночных хищников. Обстоятельства вынуждали к зимовке: по приказу Гатала охотники начали заготавливать копченое мясо, Амага и Дина собирали в лесу и высушивали съедобные корни и лечебные травы. Выкопали колодец, сделав сруб из дубовых стволов. Ближе к осени Гатал с тремя молодыми воинами проехали, держась лесных предгорных троп, в греческую факторию Феодосия, где выменяли на меха запас стрел, ткани, пшеницу и кухонную утварь. Здесь же были куплены на невольничьем рынке три юные девушки, ставшие женами молодых сарматов.

Прошло десять лет. У Гатала с Амагой и Витала с Диной родились и подрастали дочери: Ника и Карен. Не остались бесплодными девушки, купленные в Кафе. Временный лагерь у Белой скалы превратился в маленькое стойбище: в отдельных загонах разместились отара овец и стадо коров, увеличился табун лошадей, появилась собственная кузня, где ковались длинные обоюдоострые мечи — спаты, — и сшивался из шкур, рогов и металлических пластин чешуйчатый панцирь. По утрам Амига возносила благодарственную молитву богине солнца Табити.

Из-за перехода с кочевой на оседлую жизнь многие обычаи племени Барана были утеряны. Амига не стала отрезать родившимся девочкам мешавшую натягивать лук правую грудь, что были вынуждены делать сарматские женщины, воевавшие наравне с мужчинами и осыпавшие врага стрелами, сидя на бешено скачущем по степи коне.

Здесь, у Белой скалы, Амига, Дина и их подрастающие дочки занимались домашними делами, оставляя мужчинам охоту, рыболовство, скотоводство и охрану стойбища. И замуж девочки должны были выйти по достижению двадцатилетнего возраста, а не тогда, когда убьют первого врага, — как когда-то получили право на мужей Амига и Дина.

Перед совершеннолетием дочери Гатал и Амига повезли ее в Феодосию: вместе с ними отправился, захватив своего двадцатилетнего сына Тоторса, Тасикай. Гатал знал, что рожденный от аланской рабыни Тоторс собирается брать Нику в жены. Тоторс великолепно ездил на лошадах и умело владел мечом, — и все же в глубине души Гатал относился к нему с недоверием: ему не нравились хитрость и коварство Тоторса. Такого же мнения были Ника с Амигой, но выбирать было не из кого.

Феодосия — по-гречески «Богом данная», — дочери понравилась: она с восторгом бродила по ее каменным улицам, любовалась украшениями местных жительниц и надолго замерла перед блестящей поверхностью моря. «Переедем сюда жить!» — попросила она отца. «Нет, дочка, — объяснил Гатал. — Это город купцов, центр торговых путей в Средиземноморье. Нас примут только слугами или воинами-наемниками. Помни: сарматы живут и умирают свободными».

Возвращались из Феодосии, как обычно, по предгорной лесостепи северного склона главной гряды крымских гор. Прежде чем пересечь очередную поляну, останавливались, присматривались и, галопом проскакав открытое место, ехали дальше. Такая осторожность в мире, где каждый чужой мог оказаться врагом, не была лишней, — в этом сарматы убедились, услышав впереди звуки сражения. Застыв в кустах перед обширной поляной, они видели, как с противоположной стороны выскочил на поляну всадник, отмахиваясь мечом от трех наседавших на него боспорских конников.

— Ловко рубится, — восхитился Тасикай всадником. — Может уйти.

— Вряд ли! — с сомнением произнес Гатал. — Трое для одного — слишком много!

Гатал оказался прав: всаднику удалось поразить мечом одного из боспорцев, но другой ударом меча по шлему сбил всадника с коня.

— Поможем ему, — умоляюще прошептала Ника, увидев, как скифы, спешившись, подняли мечи, собираясь добить лежавшего без сознания всадника.

Гатал кивнул головой: и тотчас стрелы, посланные Амигой и Тасикаем, свалили скифов на землю.

К удивлению сарматов, спасенный ими всадник оказался юношей года на три старше Ники.

— Херсонесец, — определил по вооружению Тасикай. — И богатый, судя по одежде. Что занесло его в эти места?

Амига промыла рубленную рану на голове херсонесца, приложила травы и перебинтовала куском ткани. Из двух палок и попоны сделали носилки: привязав их к двум пойманным скифским лошадям, положили на них находившегося в забытьи раненного и продолжили путь.

Херсонесец болел долго: ухаживала за ним, к ярости и неудовольствию Тоторса, Ника. Придя в сознание, херсонесец рассказал, что зовут его Маркус, он происходит из знатного римского рода и его отец Клавдий в должности военного трибуна командует сейчас римскими сухопутными и морскими силами в Крыму. Маркус стоял во главе отряда, везшего на телегах с территории Гипаниса (Южного Буга) купленное у местных племен зерно: пшеницу, ячмень, просо. Нападение скифов оказалось неожиданным: отряд был перебит, зерно захвачено, а Маркус спасся только благодаря сарматам.

Выздоровев, Маркус покинул стоянку не сразу: охотился, ловил рыбу, помогал сарматам по хозяйству и все свободное время старался быть с Никой.

— Опомнись, ты обещана Тоторсу! — говорил Гатал бродившей со счастливой улыбкой дочери. — Не каждому чувству можно открыть двери. Он забудет о тебе за первой горой! В Херсонесе есть театр, баня, водопровод, мощенные камнем улицы, — что перед этим великолепием наши пещеры!

Осенью, перед началом больших дождей, Маркус уехал. Тайком поплакав, Ника вновь стала такой, как всегда: приветливой и спокойной. Но, когда весной Тоторс пришел брать Нику в жены, то получил отказ.

— Вы дали слово! — кричал Гаталу багровый от ярости Тоторс. — Под горой стоит новая телега с кибиткой: я готовил ее для Ники. Заставьте ее туда войти!

— Нет! — сурово сказала Амига. — Сарматская девушка — не рабыня, она вольна в своих чувствах.

— Тогда я знаю, кто мне поможет! — уходя, сверкнул глазами Тоторс.

Утром обнаружили, что, захватив сменных лошадей и запас еды, Тоторс исчез.

— К аланам, наверное, отправился, — решили, собравшись, сарматы.

О том, что они заблуждались, сарматы поняли через месяц, когда рано утром стоявший на вершине Белой скалы сторожевой пост протрубил в рог тревогу.

— Скифы! Большой отряд! — забежав в пещеру, крикнул Витал. — Как они нас нашли?!

Это было первое серьезное нападение на сарматов, — несколько стычек сразу после поселения у Белой скалы с проживавшими в дальнем лесу таврами закончились соглашением о мире.

Гатал быстро отдавал распоряжения. Частокол и ров перед ним должны были остановить врага. Вот только... Сарматов — четырнадцать человек вместе с детьми, а скифов — более полусотни. Воткнув меч в кучу хвороста, Гатал, склонившись, громко произнес обращение к богу огня, покровителю сарматов: «О великий Агни! Дай нам

волю и силу духа! Укрепи руки и сделай меткими стрелы, напои сарматские мечи кровью врага. Подари победу в битве! Пусть сегодня она будет разная: наша дорога и дорога смерти...».

Полукольцом подойдя к лагерю, скифы засыпали его стрелами, не принеся сарматам урона: дети были спрятаны в пещерах, а поднятые над головой сарматские щиты стрелы не пробивали. Тогда здоровенный, одетый в панцирь с оплечьем предводитель скифов затрубил в рог: и скифы пошли на приступ. Восемь человек упали, пробитые сарматскими стрелами, остальные добрались до частокола. Гатал поднял руку — и сарматы отступили в построенную из бревен конюшню, где, слыша звуки битвы, волновались привязанные кони. Осмелев, часть скифов с радостными криками перебралась через частокол, готовясь к штурму пещер, — и вдруг ворота конюшни распахнулись и оттуда вылетел на врага маленький отряд сарматской конницы: той самой, которая разбивала некогда македонские фаланги и римские легионы. Ринулись скифы обратно: но мало кто спасся!

— Более двадцати покрошили, — удовлетворенно сказал Гатал Виталу. — А у нас только один убитый и двое раненых.

— Смотри! — удивленно воскликнул Витал. — Тоторс! Вон там!

Гатал поднял голову: на опушке леса возле скифского военачальника стоял Тоторс и что-то объяснял ему, показывая рукой на сарматский лагерь.

— Предатель! — скрипнул зубами Гатал.

Выслушав Тоторса, скифский военачальник отдал распоряжения: шесть скифов, собравшись, куда-то ушли, остальные начали осыпать зажженными стрелами конюшню, хозяйственные постройки, частокол. Заблеяли овцы, замычали коровы, заметались в загоревшейся конюшне лошади. Несколько сарматов ринулись тушить пожары — и упали, настигнутые скифскими стрелами.

— Закрыться щитами и ждать, — крикнул Гатал своим воинам.

Даже тогда, когда к полудню деревянные постройки сгорели, а живность наполовину разбрелась, наполовину была уничтожена, сарматы еще надеялись на победу. Но когда с вершины Белой скалы на них посыпались камни, — вот куда Тоторс послал шесть скифов! — заставив сарматов укрыться в пещерах, их положение стало безнадежным.

Два дня провели осажденные в пещерах, надеясь на помощь богов. На третий день, предпочтя смерть от оружия гибели от жажды и голода, сарматы вышли из пещер на последнюю битву.

Храбро сражались сарматы, но многочисленны враги. Упал Витал, рухнула со стрелой в груди Дина. Застонал, захлебываясь кровью, Тасикай... Рубиться мечом Гатал, прикрывают его с боков жена и дочь, но неравны силы. И вдруг чей-то рог затрубил в лесу — и на опушке, смыкаясь в ряд, показались римские легионеры. Снова затрубил рог и, оцетинившись копьями, легионеры твердой поступью пошли на скифов.

— Это Маркус! — радостно закричала Ника. — Вон он, смотрите!

Из леса выехала группа всадников, среди которых выделялся осанистый мужчина со знаками военного трибуна. Рядом с ним гарцевал на сером коне Маркус.

Увидев херсонесцев, скифы растерялись. Их предводитель, сгруппировав скифский отряд, попробовал пробить строй легионеров, но был отброшен. Скифы ринулись бежать; присоединившийся к ним Тоторс был заколот скифским военачальником, решившем выместить на предателе злость от поражения.

Стоят сарматы, смотрят на римлян, на поле боя. Четверо человек осталось от племени Барана: семья Гатала и осиротевшая Карен.

— Меня привела не только благодарность за сына, но и необходимость, — спешившись, военный трибун

подошел к Гаталу. — Готовится военный поход против скифов: мы устали от их набегов. В пешем строю легионеры непобедимы, но против конницы они бессильны. Римский сенат приказал создать тяжеловооруженную кавалерию по образцу сарматской: и вас я приехал просить стать ее организатором и командиром.

Гатал вопросительно посмотрел на жену.

— Соглашайся, — решительно сказала Амига. — Нам все равно здесь не жить: через месяц — другой скифы вернутся.

— В Херсонесе вам выделяют отдельный дом, ваша должность будет высоко оплачиваться, — подчеркнул Клавдий.

— Хорошо: мы выедем завтра утром. Сегодня займемся похоронами. Легионеры помогут выкопать могилы? — обратился Гатал к трибуну.

— Обязательно, — кивнул головой Клавдий, с интересом наблюдая, как стоят, взявшись за руки и глядя друг на друга, Маркус и Ника.

На высоком кургане неподалеку от Белой скалы положили павших воинов в выкопанные четырехугольные ямы — с оружием в руках, с необходимыми для загробного проживания запасными одеждами, посудой, утварью, украшениями. После того, как забросали могилы землей, Амига прочитала прощальную молитву, попросила богиню солнца помочь мертвым сарматам найти дорогу в страну предков, — и похороны закончились.

Готовясь в дорогу, Гатал, Амига и Карен обошли лагерь, собирая и упаковывая в тюки все, что могло пригодиться в завтрашней жизни. Зайдя в нижнюю пещеру, Гатал с удивлением увидел выбитую на стене тамга: знак племени Барана.

— Тасикай сделал, — когда пещеру осаждали скифы, — пояснила Карен.

— Давно я не видела этот знак, — тихо произнесла Амига. — Когда-то тамга, поставленная на шкурах лошадей

и скота или на другом имуществе, принадлежавшем нашему племени, предупреждали воров, что за кражу они поплатятся головой. А сейчас племени нет и все, что осталось от сарматской собственности: пещерное жилье, которое мы покидаем.

— Прошное сарматов не ясно, а будущего как не было, так и не появилось, — грустно сказала Карен. — Мы рассеялись, как пыль от проскакавшего табуна.

— Неправда! — возразил Гатал. — Нас будет помнить Белая скала.

Взяв резец, он поднялся в пещеру, где прожил с семьей последние годы, и, выбив тамга, продолжил вытесывать слова.

Стоя за его спиной, Амага читала:

— Шедшие через Таматарху в Керу через переправу Быка, мы, степные люди, остались и выжили в лесах. Великое Солнце, не забывай о своих солнечных детях!

Закончив вытесывать последние буквы, Гатал выбрался из пещеры на землю, поднял руки и, обращаясь к небу, громко закричал:

— Мы были!

И долго, отражаясь от скал, гудело эхо, унося дальше и дальше, сквозь расстояния и века, слова последнего из сарматов.

ДИКАЯ ПЕЩЕРА (КИИК-КОБА)

После окончания научной конференции археологи Саша Гаврилов и Гена Тоцев зашли в кафе.

— Не понимаю: почему так мало говорят о необычности неандертальской стоянки в пещере Киик-Коба? — продолжая начатую на конференции дискуссию, сказал Тоцев. — Даже ее открытие Бонч-Осмоловским в 1924 году напоминает детектив: археолог случайно забрел в заросли

леса — и наткнулся на грот. На всякий случай заложил разведочный шурф — и обнаружил кремневые изделия и обломки ископаемых костей. Расспросил местных татар и узнал, что грот известен у них под названием «Киикин-Кобасы» — «Пещера дикаря».

— Но назвал он грот Киик-Коба, — напомнил Гаврилов, взяв с подноса принесенные официанткой две чашечки кофе. — В переводе с крымскотатарского — «Дикая пещера».

— Правильно, — согласился Тоцев. — Шум поднялся на всю страну: открытие мирового значения! Но начались исследования — и появились загадки.

— Ты имеешь в виду найденное в центре пещеры захоронение женщины, лежащей на правом боку со слегка подогнутыми ногами? — уточнил, прихлебывая кофе, Гаврилов. — Да, поза странная. И непонятно, почему похоронили именно в пещере. Да еще так старательно: могила частично врезана в скалистое дно грота. Это сколько сил надо было потратить: с их неразвитыми руками, с трудом удерживающими дубинки и каменные рубила.

— И почему здесь похоронили только ее? Остальных что — закапывали в другом месте? — допив кофе, Тоцев отставил чашечку в сторону. — Причем учти: забросав могилу землей, остались там жить — фактически на кладбище. Напомни: каким сроком датирована стоянка?

— Нижний культурный слой, о котором мы говорим, начался шестьдесят тысяч лет назад и наслаивался несколько тысячелетий. Потом пещеру оставили и вернулись туда через пять тысяч лет.

— Представляешь, сколько поколений прошло: при средней продолжительности жизни неандертальца не более 25–30 лет?! — покачал головой Тоцев. — Кстати, там имеется еще одна загадка: с помощью рентгенологического исследования удалось установить, что при жизни женщины в ее надколеннике произошли изменения. Вероятно, она часто выполняла

какую-то тяжелую работу стоя на коленях. Интересно: что это была за работа?

— Жаль, что отгадок мы не узнаем, — вздохнул Гаврилов, с сожалением заглядывая в опустевшую чашку. — Ладно, пошли по домам.

Разговор закончился. Проводив археологов взглядом, наденем андерсеновские калоши счастья (спрятанные в сундучке у каждого писателя) и заглянем в далекое прошлое человечества.

...Узкая тропинка, извивавшаяся между нависшим скальным массивом и многометровым ущельем, на дне которого пенились воды глубокой, по-осеннему темной реки, была достаточной для прохождения человека, но узкой для носорога или медведя, — не говоря уже о мамонте. Поднявшись наверх, Анну остановилась у высокой осины и замерла, вслушиваясь в тишину и ловя ноздрями приносимые восточным ветром запахи. Коренастая, с покатым лбом и выступающими вперед надбровными дугами, в одежде из шкур, она, несмотря на небольшой рост, обладала мощной мускулатурой, позволяющей легко нести сделанную из толстой ветки тяжелую дубинку. Здесь, на горе, опасаться приходилось только медведя или рысь — остальные животные предпочитали низину. Впрочем, Анну думала не о них. Самыми опасными врагами оставались ее сородичи: кочующие племена неандертальцев, ищущие новую среду обитания. Точно так несколько весен назад пришли сюда возглавляемые Анну кииты, прогнав живший в пещере немногочисленный род сапуров.

Постояв, успокоенная Анну поспешила вниз по склону, к бьющему из-под земли роднику. Напившись воды, медленно пошла вниз по течению реки, периодически становясь на колени и собирая в привязанный к поясу мешок из бычьей кожи съедобные корни, плоды растений, личинки насекомых и грибы. На шее у Анну

на сделанной из медвежьей жилы веревке висел изумруд — знак главенства над родом.

Внезапно Анну почувствовала чей-то взгляд. Схватив лежавшую рядом дубинку, быстро вскочила. К счастью, это был не чужак: на нее смотрела ходившая на рыбалку пятнадцатилетняя Лата. В ее мешке трепыхалось несколько пойманных с помощью копья щук.

Приветствуя сородича и поощряя ее успех, Анну раздвинула рот в улыбке. Вопреки обычаю, Лата не ответила тем же: она отвернулась и направилась вверх, в пещеру.

Это было то, чего Анну боялась: Лата показала, что не признает ее как главу рода. Моложе Анну на десять лет, Лата верховодила среди своих сверстников, которых было на два человека больше, чем мужчин и женщин старшего возраста. Анну и ранее замечала, как неохотно исполняет Лата ее приказы, но, не желая раздора, молча игнорировала Латино недовольство. Род должен быть цельным, иначе он станет добычей врага. Тайное соперничество продолжалось несколько месяцев, а сегодня стало явным. Почему?

Причину Анну поняла, вернувшись в пещеру: ушедшие на рассвете проверять ямы-ловушки охотники вернулись не только без добычи, но и с кашляющим и сморкающимся Тануром. Самый сильный мужчина племени, Танур безоговорочно принимал и поддерживал все решения Анну. А теперь...

Анну посмотрела на собравшихся в пещере китов. Семнадцать человек, умеющих добывать еду, и главная ценность рода — шесть маленьких детей. Если с детьми что-то случится — племя вымрет. Именно поэтому родом руководили женщины: они организовывали быт племени так, чтобы удобно было растить новорожденных.

Схватившая Танура болезнь была заразной. Если его оставить в пещере — заболеют все, причем часть детей может не выздороветь.

Подойдя к Тануру, Анну показала рукой в сторону леса. Танур должен уйти. Если он победит болезнь и сумеет остаться в живых, то вернется в пещеру. Но такие случаи были редки. Человек-одиночка обычно погибал — если не от болезни, то от звериных зубов.

Сгорбившись, Танур положил на каменный пол свое копьё — это была собственность племени, брать его с собой изгнанникам запрещалось, — и молча пошел к выходу. Его физическая мощь не один раз спасала киитов в битве с врагами, но сейчас он представлял угрозу племени — и понимал это.

— Пстой! — окликнула охотника Анну.

Метнувшись в угол пещеры, она вытащила из запасника кремни для добычи огня, горстку высушенной лекарственной травы, подняла оставленное Тануром копьё и сунула все в руки охотника.

Схватив драгоценные для него предметы, Танур благодарно взглянул на главу рода и поспешил в лес. Он должен был до заката солнца оставить территорию, которую племя считала своей, и попытаться найти пещеру или нечто подобное для ночлега.

— Ты напрасно это сделала! — услышала Анну голос Сиюты — самой старой женщины племени. — Копья часто ломаются, их нелегко делать. Танур — все равно что мертвый.

Анну окинула киитов взглядом. Многие — и в первую очередь юноши, мечтавшие получить копьё изгнанника, — смотрели на нее с укоризной. Зато Лата улыбалась: зло и торжествующе. Анну преступила обычай, — и Лата собиралась этим воспользоваться.

— Анну — не глава рода, — выкрикнула Лата. — Она не уважает племя.

Молодежь одобрительно зашумела, поддерживая Лату.

— Пусть уходит вслед за Тануром — громко сказал Латин друг Кагул.

— Твои слова жестоки! — возмутилась Сиюта. — И несправедливы.

— Традиция нарушена! — отрезала Лата. — Киитам нужен новый глава рода.

— Лата — глава рода! — воскликнул Кагул.

Сиюта — а за ней другие противники Латы — схватилась за копья. Молодежь сделала то же самое. Кииты приготовились убивать друг друга.

— Подождите! — подняла руку с зажатым в ней изумрудом Анну. — Я передаю власть Лате. Пусть Сиюта и другие женщины совершат над Латой обряд посвящения.

Род должен жить — этот закон, переданный предыдущими поколениями, Анну впитала с детства. И готова была для выполнения этого закона на любое унижение.

Копья опустились. Женщины образовали круг, в центр которого с гордо поднятой головой вошла Лата. По команде Сиюты женщины запели и, убыстряя движения, пошли по кругу — вначале в одну, потом в другую сторону. Остановившись, выкрикнули имя Латы, славя ее как новую главу рода. Взяв у Анну изумруд, Сиюта надела его на Латину шею. Обряд закончился.

— Слушайте все! — отдала Лата свое первое распоряжение. — Анну остается в племени, но до первого снега будет получать половинную порцию еды.

Это было справедливо — и все согласились. Затем Лата перераспределила обязанности среди молодежи, — и Анну отметила разумность решения. Вероятно, Лата долго его обдумывала.

Утром следующего дня, захватив шкуры недавно убитых животных и каменные скребки, Анну отправилась к реке. Став на колени перед слегка выступающей из воды каменной плитой, Анну положила на плиту шкуру мехом вниз и скребком начала убирать жир. Затем, намочив шкуру, с помощью песка и пепла полностью очистила ее, сделав пригодной для изготовления одежды.

Это была тяжелая работа, от которой постоянно болели колени, но Анну привыкла к ней. К тому же она

знала, что никто другой из киитов не сумеет сделать шкуру такой гладкой и мягкой.

— Тебе надо было убить Лату тогда, когда впервые натолкнулась на ее непослушание, — завела разговор подошедшая к Анну Сиюта. — Твоя пассивность взрастила ее наглость.

— Одно убийство прокладывает дорогу другому, — коротко ответила Анну. — Мне пришлось бы жить, ожидая удара в спину, — хотя бы от Кагула. К тому же Лата начала неплохо.

— Самое трудное — руководить охотой на крупного зверя. А у девчонки нет опыта, — вздохнула Сиюта. — Да и характер строптивый. Погубит она нас.

Анну промолчала. Она тоже считала, что к власти Лата пришла рано. До должности главы надо дорасти, — хотя бы для того, чтобы понять, что власть — это не только право руководить, но и обязанность нести ответственность.

Сиюта, повернувшись, ушла.

Добыча крупных зверей — мамонта и носорога — при всей своей опасности давала основное: запас копченого мяса и сала на зиму. Через месяц должны были наступить холода и кииты торопились заполнить подземные хранилища. В двух из них уже лежало мясо мамонта. Анну так удачно организовала тогда охоту, что ни один киит не погиб, а двух раненых быстро вылечили. И сейчас Лата должна была сдать свой главный экзамен.

Загонять носорога в выкопанную мужчинами яму — где его потом добивали копьями — должно было все племя. Увидев, как Лата расставила охотников, Анну поняла, что охота может оказаться неудачной. По Латиному замыслу, загонщики должны были перехватить носорога в момент его ухода с водопоя и, окружив с трех сторон, гнать в ловушку. Подобный план был хорош для мамонта, но не для обладающего коварным и непредсказуемым нравом носорога. Сиюта и другие старики попытались втолковать это Лате, но та, отмахнувшись,

сказала, что если они такие трусы, то на самые опасные места она поставит молодежь.

Поначалу казалось, что Латин замысел оправдается: вспугнутый загонщиками, носорог потрусил в направлении скрытой ветками глубокой ямы. Однако радость киитов оказалась недолгой. Не дойдя до ямы несколько метров, носорог развернулся и ринулся к слишком близко подошедшей к нему молодежи.

Анну ахнула. Взрослые охотники обычно бежали на таком расстоянии от зверя, чтобы в случае опасности скрыться за деревьями. Но расхрабрившаяся молодежь пренебрегла этим правилом, — чем носорог и воспользовался. Пронзив рогом находившегося рядом Кагула, носорог нацелился на Лату. Ее гибель была неминуема, — если бы не Анну. Закричав, она швырнула копье, вонзившееся по счастливой случайности в носорожий глаз. Взревев от боли, зверь помчался к обидчику. Анну могла бы спастись, спрятавшись за стволом клена, но, помня о пустых хранилищах, поспешила к ловушке. Она надеялась успеть стать так, чтобы между нею и зверем оказалась яма, но ошиблась в расчетах. Увеличив скорость, носорог догнал Анну, а когда та попыталась увернуться от разъяренной туши, мотнул головой, вспоров кончиком рога Аннин живот. Отлетев в сторону, Анну упала на землю. Затормозив рядом с ловушкой, носорог собрался развернуться к Анну, чтобы растоптать ее, но не успел. Выскочивший из кустов Танур — выздоровев, он, возвращаясь к роду, наткнулся на охоту, — ударом копья повредил сухожилие носорожьей ноги. Покачнувшись, носорог сделал шаг вперед, наступил на скрывавшие ловушку ветки, и рухнул в яму. Набежавшие кииты камнями и копьями добились зверя.

Анну была еще жива, когда ее, положив на шкуру, принесли в пещеру.

— Что нам делать с Латой? — спросила Сиюта у старающейся не стонать Анну. — Забрать у нее изумруд?

— Пусть остается главой рода: первые ее решения были правильные, — прошептала Анну. — У нее есть ум — только надо его поправлять.

И, вздрогнув, умерла.

— Я знаю, кто сможет контролировать Лату, — проговорила Сиюта.

И, найдя взглядом Танура, велела:

— Выкопай в центре пещеры яму. Положи там Анну: так, словно она спит. Забросай яму землей. Мы будем жить, зная, что Анну здесь, с нами.

И обратилась к Лате:

— Помни о той, чей изумруд ты носишь. Принимая решение, думай, как бы она к нему отнеслась. Ты готова к этому?

— Да, — потрясенная гибелью Кагула и самопожертвованием Анну, твердо сказала Лата. — Я беру Анну в наставники.

ΠΑΡΑΔ ..... ΤΑΛΑΝΤΩΝ

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ КРЫМА

Задачами организованной РОО «Союз писателей Крыма» Творческой мастерской стало создание единой творческой площадки для объединения, общения молодых литераторов, повышения уровня их мастерства и творческого роста, выявление (открытие) новых имен, знакомства юных авторов с опытными коллегами и крымскими писателями. Проводится Творческая мастерская при поддержке Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым на трёх государственных языках Республики Крым: русском, украинском, крымскотатарском. Место проведения Творческой мастерской: ГБУК РК «КРУНБ им. И.Я. Франко». Первая Творческая мастерская была проведена 22 апреля 2018 года.

Старшая группа поэзии. Последний мастер-класс преподавателя Дмитрия Болдина...

Какие серьезные лица у этих ребят...

Дружное жюри.
Координатор Творческой мастерской
Юрий Поляков распределяет учеников по группам.

До завтра, до завтра! И нет у песни конца...

Вторая Творческая мастерская была проведена
21 апреля 2019 года. На сцене — жюри
и преподаватели.

Вестибюль. Регистрация. Разговоры. Фото на память.

Актовый зал библиотеки.
Секунды до открытия Мастерской...

Закрытие Творческой мастерской.
Дорога и воспоминания...

МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «СЕДЬМОЕ НЕБО»

С 8 по 11 августа 2019 года в поселке Николаевка прошел ежегодный Международный литературно-музыкальный фестиваль «Седьмое небо», учрежденный администрацией Николаевского сельского поселения Симферопольского района и РОО «Союз писателей Крыма». Фестиваль собрал 88 участников из материковой России, Крыма, Украины, Израиля, Франции, Узбекистана, приехавших в Николаевку в сопровождении 36 членов семей, родственников и друзей. Информация о фестивале была опубликована во многих газетах и журналах, он оставил у его участников массу приятных впечатлений и воспоминаний. И, конечно, большое количество фотографий.

Сегодня праздник у девчат...

Вверху — тишина в зале.
Внизу — споры за круглым столом.

Мастер-класс Веры Грибниковой

Вестибюль. Регистрация. Книжная лавка.

Вечер. Малый зал Дома Культуры.
Свободный микрофон.

Расстанутся друзья. Остается в сердце нежность.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТВОРА

Дети командира	8
Веселое событие.....	10
Метеорит.....	13
Дипломатка.....	16
Обмен.....	17
Индейка.....	20
Олечка.....	22
Рационализатор.....	25
Тоня.....	26
Воспитательница.....	29
Семья.....	32
Торт.....	33
Подарок.....	36
Тили-тили тесто.....	38
Урок.....	39
Товарищи.....	42
Кто ходит в гости по утрам.....	45
Поход.....	48
Новогодняя елка.....	59

ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГОРЬЯ

Четыре брата.....	64
Тамга.....	66
Дикая пещера (Киик-Коба).....	76

ПАРАД ТАЛАНТОВ

Творческая мастерская молодых литераторов Крыма	86
Музыкально-литературный фестиваль «Седьмое небо»	91

Литературно-художественное издание

Килеса Вячеслав Владимирович

КРЫМСКИЕ ИСТОРИИ

Рассказы и фотодокументы

В авторской редакции.

Дизайн, верстка — Лейла Мосиашвили

Формат 60х90/16. Гарнитура Arial CYR.

Объем — 6 учетно-издательских листов.

Бумага офсетная 80 г/м². Иллюстрации черно-белые.

Тираж издания — 400 экз.

«Крымские истории» — книга о детях и для детей: и немножко для их родителей. Создавая ее, автор думал о том, как мало в мире доброты, и старался хоть чуточку увеличить ее количество. Поэтому даже грустные страницы в ней светлы и прозрачны.

Такую книгу хорошо читать на закате дня, выбеливая новыми впечатлениями тени несбывшегося. И, бросая взгляды на скулящую во дворе непогоду, желать прохожим крыши над головой, удачи и счастливого вечера — с книжкой в руках.

РОО «Союз писателей Крыма»

